

Огонек

Доклад И. В. Сталина на XV с'езде партии

Мы стоим на правильном пути, политика нашей партии правильна, — заканчивает свой доклад на XV с'езде партии И. В. Сталин. — А из этого следует, что, двигаясь по этому пути, мы придем наверняка к победе социализма в нашей стране, к победе социализма во всех странах.

— Это еще не значит, что у нас не будет трудностей на нашем пути. Трудности будут. Но мы их не боимся, ибо мы — большевики, закаленные в огне революции. Трудности будут, но мы их преодолеем, как преодолевали до сих пор, ибо мы — большевики, выкованные железной партией Ленина для того, чтобы бороться с трудностями и преодолевать их, а не хныкать и плакаться.

— И именно потому, что мы большевики, мы победим наверняка.

Фот. ВЦНК.

ВЫСЫЛАЮТСЯ ПОЧТОЙ:

К зимнему сезону

Чулки дамск. вышен. пара—1 р. 05 к. и 1 р. 30 к.
Моски мужск. вышен. 65 и 75 к., шерстяные—1 р. 05 к.
Перчатки дамск. трикот. на кнопке от 1 р. 95 к. до 3 р. 60 к. Мужские от 1 р. 10 к. до 4 р. 25 к.
Жакеты дамск. бум. от 11 р. 50 к. до 15 р., шерстян. от 32 р. до 45 р.
Свитера мужские бумажн. 6 р. 25 к. и 7 р., вышеные 9 р. 25 к., шерстяные от 6 р. 75 к. до 17 р.

Гаржетки дамск. шерст. от 3 р. 50 к. до 8 р. 75 к.
Шарфы дам. шер. разн. изгот. 6 р. до 15 р., палантин шерст. широк. разн. изгот. 21 р. до 27 р.
Шапочки детск. бумажн. 1 р. и 1 р. 25 к., детские шерст. от 1 р. 50 к. до 2 р., дамские от 2 р. до 2 р. 50 к.

КОЖАНЫЕ КУРТКИ шеврот 36 р., бровки—31 р. 20 к. Все из цельных пластин.
Шинные на вате на 2 р. 50 к. дорож.
РОМАНОВСКИЕ ПОЛУШУБКИ мужские, с воротником из серой мерлушки черн. дубки от 85 р. до 125 р.

БОРЧАТИН черн. дубки от 68 до 80 р.
ТЕЛОГРЕЙКИ нитные малескин.—7 р. 25 к.; **БРЮНИ** ватные—5 р. 75 к.; **ПИДЖАМ ОВЧИНЫЙ** желтый—28 р., черн. 40 р. с воротником—45 р.; **ТУЛУП ОВЧИНЫЙ** желтый—55 р., 7 черн.—70 р.; **ПИДЖАМ** клетчатые коричневые—35 руб.; **ПИДЖАМ ВАТНЫЙ** малескин.—13 р. 50 к.; **БРЮНИ** к нему малескиновые—4 р. 75 к.; **ПИДЖАМ ВАТНЫЙ** из грубо-шерст. сукна—25 р.; **ТОЛСТОВКА** и **БРЮНИ** из кот. бумажн. трико—13 р. 50 к., из «международного» трико—16 р.; **РУБАШКИ** верхн. «фантазия» с двойн. маж.—2 р. 50 к.; **БЕЛЬЕ БАЗЕВОЕ** прочн.—пара 3 р. 60 к.

УКРАИНСКАЯ ШАПКА из черной мерлушки—13 р. 75 к. **Меховые шапки** с кожаными верхом «Ушанка» из коричнев. сурка—10 р., из черн. сурка—9 р., из черной мерлушки—8 р., из серой мерлушки—9 р. 25 к., «Фидка» из черной мерлушки—12 р. 25 к.

ЖЕМЧУГ искусственный, заграничный.
Нитка длинной 135 сантим. (с таможенной пломбой)—40 руб.

Заказы выполняются на сумму от 5 р., при задатке 25%.
(Пересылка и упаковка по добровольности).
Заказы без задатка не выполняются.

КАТАЛОГИ ТОВАРОВ „УНИВЕРПОЧТ“—30 к.
Государств. почтово-посыл. предприятие „Универпочт“
МОСКВА—Центр, Москворецкая ул., 24/0.

АЛМАЗЫ

государств. фабрики высшего качества №№ 7—11 для простого стекла от 2 р. 75 к. до 3 р. 70 к. №№ 12—20 для бемского стекла от 4 р. 20 к. до 8 р. 05 к. №№ 21—30 для полупрозрачного и двойного стекла от 8 р. 70 к. до 20 р. 60 к. №№ 35—43 для зеркального от 14 р. 50 коп. до 28 р. 70 к.

ТАБЛЕТКИ „БОН-ГУ“ для изготовления домашних напитков, ликеров, настоек и пр., за трубку, соержащ. 2 табл. на бутылку—25 к. При заказе не менее 12 штук скидка 20 процентов.

СЛУЧАЙНАЯ ПАРТИЯ КАРАНДАШЕЙ

черных, позированных, хорошего качества, государственной фабрики, gross (144 шт.) 1 р. 75 к. Высылаются не менее 5 gross.

ЭЛЕКТРО-ВЕНТУРИОННЫЙ МОТОР 120 вольт, с крыльями диаметром 300 мм, с кожухом 100 р., без кожуха—90 руб.

ФОТО-БУМАГА ЭМ-МА

высок. качества
БРОМОСЕРЕБРЯНАЯ всех поверхностей, в пакетах по 10 листов

6×9 см.	РБ 0.30
9×12 "	" 0.60
13×18 "	" 1.35
18×24 "	" 2.45
24×30 "	" 4.00
30×40 "	" 6.75
ОТКРЫТКИ	" 1.00

НОВОВОЧНЫЕ ПОЛОТНА 12-дюйм. для моталки, дюжн.—4 р. 80 коп., gross—51 р. 84 к.

БЕЗОПАСНЫЕ БРИТВЫ. аппараты с двумя лезвиями—2 р. 50 к., в деревянном футляре—3 р. 25 к., лезвия—25 к. шт.

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК МАЛЫШАМ

Библиотечка из 15 книжек для детского чтения (сказки, стихи, загадки, шутки) с многокрасочными картинками.

1) Стишки для малышей. 2) Кот Мурлыка. 3) Зайка-Усбейка. 4) Нов. приключ. бабушки-Забавушки и собачки Бум. 5) Веселый счет. Первый десяток для малых ребятков. 6) Наш цирк. 7) Книжка-подружка. 8) Еж-богатырь. 9) Притки медовый и таракан бедовый. 10) Ученые зверушки. 11) Золушка. 12) Девочка за работой. 13) Портной и месяц. 14) Басня Крылова. 15) Золотое детство. Все 15 книжек в изысканном футляре с коленкор. кореш., тисненным золот. вышлагаются по получ. 2 р. 50 м. Заказы в деньгах направлять: **ОДЕССА, Ул. Ласалы, 26. КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВУ „СВЕТОЧ“.**

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую, высылают налож. платеж. в 3-дневн. срок. Отдел почтовых Отправлений книжного магазина ВЦСПС. МОСКВА, Кузнецкий Мост 14.

ОБЩЕСТВЕННОЕ И ДОМАШНЕЕ ПИТАНИЕ

экономно и сытно организовать учин. новая, подлин.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ХОЗЯЕК.

Книга содержит след. отделы: поварской и домашней (мясной и вегетарианский) стола до 500 блюд, различное тесто, варенья, соленья, маринады, напитки, коньячные. На- ставления для готовки на примусе. Цена с пересылкой 2 р. 25 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

„БЫСТРОСЧЕТ“

искусство производить в уме вычисления с быстротой мысли. Составил франц. эск. проф. Л. Ришар. Цена с перес. 1 р. 50 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ПИСАТЬ И ГОВОРИТЬ ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ

будете, если приобретете „Новый орфографический словарь“ содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за 3 р. 25 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ЕДИНСТВЕН. ПО СВОЕЙ ЛЕГКОСТИ ОБЩИЙ ЦИФЕР. САМОУЧ. ДЛЯ ГИТАРЫ

и МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ с новыми песнями, романсами и проч. высыл. за 2 р. 85 к. **ДЛЯ ГАРМОНИИ** (духр.) такой же самоуч., с 30 музык. №№. высл. за 2 р. 85 к. Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД профессора Августа Фореля. ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Том I и II. Подлин. перевод с немецкого яз. Краткое оглавление: История зарождения. Гермафродитизм. Происхождение жизни существ. Беременность. Половое созревание. Сексуальная любовь. Исторические формы половой жизни. Половые болезни. Половое извращение. Половая гигиена. Идеал брака будущего. Цена за оба тома с перес. 4 р. 50 м. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ОХОТА И НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

ВЕСИМЫЙ САРАФАН 1928

1-й абонемент 12 книг „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“ 24 №№ „ВОКРУГ СВЕТА“ 12 №№ „ВСЕМИРНОГО ТУРИСТА“ Подп. плата: 12 м., 6 м., 3 м., 1 м. 2-й абонемент (за 10 руб.): Кроме всего перечисленного в 1-м абонементе КНИГИ первой половины ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЖЕНА ЛОНДОНА

Ресго в 24 книгах—около 3.500 стр. 2-й абонемент: (С прилож. ДЖЕНА ЛОНДОНА) Подписная плата: на год—10 р., на 1 м.—1 р. Допускается расорочка платежа: при подп.—3 р., к 15 мар.—3 р. к 15 июня—2 р. к 15 сент.—2 р. Подписку направлять Москва, Центр, Псковский пер., д. 7, Изд-ву „ЗнФ“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

НОВАЯ КНИГА Библиотека Москпрофобра

ПРИМЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ по фабрично-заводскому отделению счетоводных курсов.—Цена 75 коп. ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва, Центр, Петровка, 15/38 Торговому Отделу Изд-ва газеты „ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ“

К 50 ЛЕТИЮ со дня смерти НЕКРАСОВА

Корней Чуковский „НЕКРАСОВ“, ЕГО ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО.

Большой том, около 400 страниц. Вместо 3 р. 25 к. 2 рубля. Издательство „НУБУЧ“. Ленинград, Мойка, 53.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

„Чуковский много знает о Некрасове, и все его изложение основано на ценнейших фактах („Печ. и рев“ 1926) — „Чуковский превосходный рассказчик. Он показал себя одним из лучших у нас знатоков Некрасова („Красная Новь“, 1927, 1). „Статьи Чуковского дают достаточно материала для уразумения социального облика Некрасова, для уяснения его классового самосознания. („Новый Мир“, 1927, 1).

ПУДРА „АНГО“
ТОНКА НЕЖНА И ХОРОШО ПРИСТАЕТ НЕ ЦЕПУЕТ ЛУЧШИМ ЗАГРАНИЧНЫМ МАРКАМ
КРЕМ „АНГО“
ПРОТИВ ЗАГАРА И ВЕСНУШЕК ПРИДАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОМУ БЕЛИЗНУ КОЖЕ
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ
МОСКВА 4, ИВАНОВСКИЙ ИНТЕРНАЦ. 2

РАБОЧИЕ НА УЛИЦАХ ГЕРМАНИИ

Письмо из Берлина *Андора Габора*.

Только теперь начинает германский пролетариат пробуждаться от той спячки, в которую погрузил его срыв революционной волны 1923 г. С 1923—1927 г. в огромной германской промышленности не было ни одной сколько-нибудь значительной стачки.

Дороговизна медленно, но верно росла, а ничтожная зарплата оставалась на прежнем уровне; число безработных непрерывно увеличивалось, достижения буржуазной „революции“ 1918—1919 гг. неуклонно исчезали, и германский рабочий снова втягивался крепнищим капиталом в тяжелую кабалу. Несмотря на это, забастовок не было, германский рабочий был запуган и не решался на борьбу с могучим врагом.

Только в этом году, несмотря на козни профсоюзных бюрократов, борьба за повышение зарплаты снова начала принимать характер забастовок. Немецкому рабочему приходится бастовать вопреки воле профсоюзов. Профсоюз почти всегда высказывается против забастовки. Немецкий рабочий, вооружившись храбростью отчаянья, решает теперь на забастовку даже тогда, когда профсоюз заранее предупреждает его, что ни одним пфеннигом не поддержит его. Профсоюз, щедро оплачиваемый социал-демократами, твердо держит свое слово—ни одного пфеннига, ни одной полунки рабочий не получает из кассы своего союза. А профсоюз вместе с фабрикантом крепко держится за свой карман и выжидает, когда угроза голодной смерти сломит упорство белого раба.

Одна из фабрик, пользующаяся самой дурной славой среди рабочих, не фабрика, а адекал машина, перемалывающая кости рабочего, это—текстильная фабрика братьев Гебауэр, в северном промышленном квартале Берлина. Недавно на этой фабрике вспыхнула „дикая“ забастовка, т.е. не руководимая профсоюзом. Терпение рабочих лопнуло. Фабрика стара, оборудована примитивно, условия труда на ней бесчеловечны. Наем рабочих происходит „от ворот“, без расчетной книжки, без документов. Понятно, что оплата при этом совершенно произвольна. Зарплата на этой фабрике уже в течение нескольких лет самая низкая во всем Берлине. Рабочие прозвали эту фабрику „морилкой“, и когда голод заставляет их наниматься туда, то они не без основания называют себя каторжниками.

Я приехал туда под вечер. Здание магазина (единственное приличное оборудованное здание этой фабрики, т.к. оно предназначено для покупателей, а не для рабочих)

залито светом. Мрачные, темные здания самой фабрики в нем оцenenни окру-

маркам в неделю, а заработок женщин 20 маркам, т.е. 80 и 100 маркам в месяц. Виро-

Единоголосное голосование за резолюцию продолжения забастовки.

жают его. Здание оцеплено полицией, как будто красивые кирпичные стелы хотят бежать, а их не пускают.

На одной из ближайших улиц, в здании школы происходит митинг бастующих рабочих. Меня вводит туда молодой рабочий, вдохновитель и организатор этой забастовки. Большой рисовальный зал школы не смог вместить всех желающих присутствовать. На фабрике работают 750 человек рабочих, но на митинге присутствует свыше 1000 человек, т.к. многие пришли с женами и детьми. Лица рабочих, исхудалые, мрачные, ясно говорят о том, что сытости эти люди не знают не только во время забастовки, но и задолго до нее. Страшное слово „голод“ уже давно вошло в эти черты. На сгорбленных плечах большие, обтянутые кожей, черепа. Черные дыры ртов с отвислыми губами, как будто оттопыренными для привичного смачивания нитки, сбегаящей с веретена. Тела людей превратились в веретена, с которых сбегала в жадную ткань последняя нитка.

Сбивчиво и медленно говорят рабочие, но из их слов я узнаю: на фабрике рабочие получают 57, а работницы 42 пфеннига за час. Число рабочих часов в неделю 47. Иначе говоря, заработок мужчины равняется 25

пфеннигов, а для семейных людей братья Гебауэр делают исключение—для них заработок повышается на 2 пфеннига в час, т.е. на 3 марки 76 пфеннигов в месяц. На эти деньги должны жить жены и дети рабочих.

Сборный пункт демонстрантов. Прохожие помогли демонстрантам собраться вопреки помехам полицейских.

В чем выражаются их требования? Они хотят прибавки в 15 пфеннигов в час, больше воздуха и света в помещении фабрики и приличного обращения.

Кто поддерживает их требования? Во всяком случае не профсоюз. Больничная касса поспешила с предупреждением о том, что не вписанные в срок членских взносов будут немедленно исключены.

У рабочих одна опора—компания. На фабриках, заводах, но вивушкам, но квартирам идет сбор, сбор трудовых копеек в пользу бастующих. К концу первой

недели бастующие получили от друзей 2.400 марок, к концу третьей недели—3.500 марок. С первого взгляда эти суммы кажутся ничтожными, но если подумать о том, что эти сотни и тысячи марок составлены из пятак и гривенников, что сбор для „неорганизованной“, т.е. не санкционированной профсоюзной забастовки запрещен бюрократическим профсоюзом, то сумма эта вырастает до грандиозных размеров.

Срывающиеся голоса рабочих призывают к дальнейшей борьбе, к борьбе до последней возможности. За резолюцию продолжения забастовки голосуют все, как один.

Решают на другой день выйти на демонстрацию, распределяются места сбора. Воздух сотрясается „Интернационалом“.

Подумать только, что из 750 рабочих фабрики два года тому назад не было ни одного организованного рабочего!

Этого не смогут изменить Гебауэры!

Перевела Е. Кильмер.

Бастующие рабочие фабрики бр. Гебауэр на улице. На плакатах лозунги: „Мы бастуем из-за собачьей оплаты 57 пфеннигов за час“. Впереди—комсомольцы.

П РА В И Т Е Л Ь Г Е Р М А Н И И

Побежденные страны большей частью вышли из войны настолько пришибленными, что, запросив у победителей пардона, они немедленно ходатайствовали у них и о материальной помощи, чтобы сколько-нибудь оправиться от поражений. Эта помощь досталась им ростовщической цепой. Они должны были пойти не только на тягостные финансовые условия, но и пожертвовать значительной долей государственной независимости своего так называемого суверенитета.

Германия не избежала этой участи. Антанта посадила ей на шею своего эмиссара, который раскинул в Берлине обширный лагерь в 128 сотрудников и зорко наблюдает за всем хозяйством страны и за выполнением денежных обязательств перед победителями. В Австрии и Венгрии эти контролеры называются генеральными комиссарами, в Германии он носит титул „агента по репарациям“.

С некоторого времени легендарная фигура этого агента, которого никто из обыкновенных смертных немцев никогда не видел в лицо, стоит в центре всеобщего внимания. Благодаря проболтавшимся газетам стало известно, что он подал германскому правительству обширный меморандум, в котором резко осудил чрезмерную расточительность финансового хозяйства Германии, грозящую подорвать ее ресурсы по уплате многомиллиардной контрибуции.

Предъявление этой претензии совпало с обсуждением целого ряда проектов, требовавших новых громадных затрат на уве-

личение жалования государственных служащих, на реформу немецкой школы и т. п. Трудовой люд, заинтересованный этими проектами, страшно переполошился от грозного окрика этого подлинного хозяина страны. Лишний раз стало ясно,

Теперь и патриоты из фашистского лагеря, под фальшивым лозунгом „немецкого рабочего государства“, требуют всеобщей забастовки против „колонии Дауэса“.

Между прочим, теперь впервые заинтересовались подлинной личностью таинственного агента интернационального капитала. Это — американец, зовут его Сеймур Паркер Джильберт. Как послушаешь — настоящий вундеркинд, чуть не самоучка, быстро поднявшийся по иерархической лестнице. Ему всего 35 лет, но уже 25 лет от роду он стал товарищем министра финансов в Вашингтоне. Политика его не интересовала, он был усердный, исполнительный службист, беспрдельно преданный банковым и коммерческим вельможам, с которыми имел дело. Когда был принят план Дауэса и понадобился для Германии контролер, выбор пал на Паркера Джильберта.

Холодный, неприступный, до крайности работящий, он с помощью своего многочисленного штаба добросовестно следит за всеми извилинами германского народного и финансового хозяйства и за правильными поступлениями миллиардной германской дани.

В Америке его по заслугам назвали „коммерческий император Германии“. Своего рода „коронованная“ особа, он остается незримым для „простого народа“. Он знает только с президентом имперского банка Шахтом и всесильными членами союза германской промышленности, такими же, как он сам, бездушными хранителями и копилками капиталистической мощи.

Влад. Ге.

„Коммерческий император Германии“ Сеймур Паркер Джильберт.

что иноземная опека в интересах репараций и в контакте с капиталистическим классом Германии направляет ее финансовую политику в ущерб трудящимся классам. Сознательные немецкие рабочие уже давно знали, что крупная доля их заработка идет в кассу агента по репарациям.

незримым для „простого народа“. Он знает только с президентом имперского банка Шахтом и всесильными членами союза германской промышленности, такими же, как он сам, бездушными хранителями и копилками капиталистической мощи.

ТУРКЕСТАНО-СИБИРСКАЯ ДОРОГА

Одним из наиболее крупных сооружений в строительстве СССР является постройка Туркестано-Сибирской железной дороги, которая соединит Сибирь с Туркестаном прямым рельсовым путем. Советское правительство, учитывая колоссальное значение развития туркестанского хлопководства для Всесоюзной текстильной промышленности, сумело превратить в жизнь давнюю идею сооружения великого по своему значению Туркестано-Сибирского железнодорожного пути. Работы по постройке уже начаты. Тяжелы условия, в которых приходится работать изыскателям. И тем не менее, со стальным упорством изыскатели упорно продвигались вперед, шаг за шагом отвоевывая у пространства наиболее выгодное направление будущего ж.-д. пути. На с н и м к е — базарная площадь в г. Фрунзе, где помещается управление южной части Туркестано-Сибирской ж. д.

С'ЕЗД СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА

XV съезд партии большевиков в своей резолюции по политическому отчету, сделанному тов. Сталиным, предлагает ЦК спланировать под знаменем социалистического строительства все большие массы трудящихся нашей страны, крепить братские узы солидарности с пролетариатом всех стран, делать СССР с каждым годом все более могущественным форпостом мировой социалистической революции. На снимках — президиум съезда, внизу — зал заседания XV съезда.

Фот. ВЦИК.

НУЛАНС

В предлагаемой вниманию читателей статье тов. Садуль, являющийся специальным корреспондентом „Огонька“ в Париже, рассказывает о своем приезде в Россию в 1917 году. Характеристика Нуланса и проводившейся им в отношении России политики является отрывком из воспоминаний тов. Садуля, с которыми мы будем в дальнейшем знакомить читателей „Огонька“.

Имя Жака Садуля тесно связано с первыми годами Октябрьской революции. Приехав в Россию в период, непосредственно предшествовавший перевороту, Жак Садуль — капитан французской армии — сумел быстро преодолеть атмосферу лжи и клеветы, которой были окружены Советы. Из наблюдателя, ставленника социал-патриотов, Жак Садуль вскоре сделался преданным и верным другом, республики Советов. Всю гражданскую войну он провел в СССР, деятельно участвуя в работах по созданию и организации Красной армии. Заочно приговоренный военно-полеским судом к смертной казни, он вернулся в 1925 году во Францию, где и был немедленно арестован. На процессе Садуля ярко выявилась вся близорукость и тупость интервенционистской политики стран Антанты. Даже военный трибунал гор. Орлеана не нашел в действиях б. капитана французской армии ничего предосудительного, и тов. Садуль был оправдан.

Тов. Садуль принимал участие в торжествах десятилетия Октябрьской революции и приказом ВВСР был награжден орденом Красного Знамени, как верный друг Октябрьской Революции в ее наиболее тяжелые дни.

В день моего приезда в Петроград, 1 октября 1917 года, я был у Нуланса, французского посла. Я уже заранее знал, что последний был в бешенстве от решения министра иностранных дел Рибо отправить меня в Россию по рекомендации Альберта Тома, тогдашнего министра снабжения, и Пенлеве — военного министра.

Дело в том, что Нулансу было известно, что, хотя я формально и был причислен к военной миссии, возглавлявшейся генералом Ниссель, я был отправлен в Россию не столько с военной, сколько с политической миссией: я должен был следить за развитием революционных событий и сообщать о моих впечатлениях в Париж. Делал, как говорят, веселую физиономию при плохой игре, но добродушным тоном попросил меня давать ему для просмотра мои политические донесения перед отправлением их через дипломатического курьера в Париж. Я немедленно отказался в категорической форме исполнить его требование. Еще перед отъездом из Франции, желая полностью сохранить независимость своих убеждений, я потребовал и добился разрешения писать о моих впечатлениях не в форме официальных донесений, которые волей-неволей должны были бы следовать по иерархической лестнице, т.е. подвергаться цензуре и veto посла, — а в виде частных писем к Альберту Тома.

Нуланс начал настаивать, угрожать. Однако ничто не могло меня заставить перемнить решение. Единственно, чего послу удалось от меня добиться, это обещания давать ему копию моих заметок каждый раз, как он этого захочет.

Практически мне не пришлось очень часто выполнять его просьбу. Зато каждый раз, когда это случалось, Нуланс ярко протестовал против „моей“ политики, заключавшейся в том, что я постоянно указывал на прочность советской власти, на необходимость ее признания и сотрудничества с нею. Все это в корне расходилось с политикой Нуланса, который начал с того, что влиял на Керенского в смысле необходимости поправления Временного правительства, а некоторое время спустя телеграфировал ежедневно в Париж, что Советское правительство падет через неделю и что ни в каком случае не следует его поддерживать, признавая его и сотрудничая с ним. Наконец, когда и эти его прогнозы не подтвердились и советская власть доказала свою жизнеспособность, он призывал употребить все возможные меры, как политические, так и экономические и военные, чтобы свергнуть его.

Все политические деятели, которых я видел перед моим отъездом из Парижа, считали Нуланса — этого первосвщенника французского радикализма — дураком, совершенно неспособным оценить всю грандиозность тех событий, которые разворачивались в России у него на глазах. Те, кто были хорошо информированы, передавали, что, кроме того, он был и нечист на

руку, что было особенно опасно для революции, так как он связал свои личные интересы с интересами крупной русской буржуазии: сразу по приезде в Петроград он ввязался в ряд промышленных дел, участвовал в темных махинациях по покупке недвижимости, спекулировал на гибели революции и для способствования ее крушению, которое содействовало бы его обогащению, он бесстыдно использовал в личных выгодах тот авторитет, который ему давало его звание посла, вместо того, чтобы думать об интересах Франции. „Чтобы сварить себе на завтрак яйцо, — говорили в 1912 г., — черногорский король поджог Европу“.

Чтобы заполнить свой сейф, Нуланс не потеснился ввергнуть Россию в огонь и кровь. Руки его обогреты кровью миллионов невинных жертв. Трудящиеся не должны этого забывать.

Не сумев привить мне свой взгляд на русскую революцию и не имея возможности контролировать мою политическую переписку, посол не замедлил исподтишка приложить свои усилия к тому, чтобы мои письма не доходили до Альберта Тома. Во время переговоров в Брест-Литовске я стремился к тому, чтобы мои предложения о необходимости сотрудничества с советской властью дошли бы возможно скорее до французского правительства. Каждый раз, как я переда-

вал Нулансу телеграмму с просьбой отправить ее, он либо медлил отправкой, либо искажал текст, или же, наконец, чаще всего, отказывался отправлять ее.

Я процитирую лишь один случай из ряда бесчестных поступков этого странного информатора, направленных к тому, чтобы воспрепятствовать получению моих информаций его же правительством. Лишь в марте 1918 года, после подписания Брест-Литовского договора, я узнал из письма ко мне Альберта Тома — письма, которое незаконным образом было задержано в течение свыше двух месяцев, что в декабре 1917 года Пиншон, министр иностранных дел в кабинете Клемансо, приказал Нулансу сообщить мне, что впредь я буду иметь право ежедневно телеграфно информировать французское правительство о моих наблюдениях и предложениях. Нуланс не только не довел до моего сведения эту депешу, но, перехватив ее, продолжал мне отказывать в отправке тех телеграмм, содержание которых не соответствовало его намерениям.

Этот пример достаточно характеризует цинизм достойнейшего дипломата французской демократической республики. Первого же разговора, который я имел с ним в день моего приезда в Петроград, было достаточно, чтобы установить политическую тупость этого „выдающегося“ парламентского деятеля, бывшего несколько раз министром и возглавлявшего когда-то партию радикалов, т.е. наиболее влиятельную партию французской буржуазии. В то время как я с энтузиазмом приветствовал грандиозную

борьбу, стершую с лица земли царизм, и выражал мою веру в создание нового мира, зарождавшегося в России, добавляя, что я приехал главным образом для того, чтобы научиться у наших русских товарищей тому, как организуется и как подготавливается революция, — Нуланс пронырски прервал меня, чтобы сказать 1-го октября, т.е. за пару недель до Октябрьской революции:

— Вы приехали слишком поздно. Революция кончилась. Керенский слишком демократичен для русского народа, который все больше и больше отходит от него. Он падет через несколько недель. Ему на смену придет диктатура.

— Диктатура Советов?

— Нет, военная диктатура. Совместно с английским послом Бьюкененом мы подготавливаем группу железных людей во главе с генералом Коринловым и Савинковым. С помощью союзников они покончат с демократией Керенского, образуют революционеров и подготовят почву для установления режима порядка.

— Республиканского режима?

— Нет, по всей вероятности монархического. Ведь русские — безграмотные, примитивные, чтобы не сказать дикие, люди. Они совершенно неспособны сразу преодолеть расстояние, отделяющее демократию от самодержавия. Кадеты склоняются к парламентской монархии, на английский образец, хотя и не говорят об этом открыто. Несомненно, это максимальный рекорд, который может установить русская революция.

— А русские, что они думают о вашем плане?

— Ну, вы можете быть уверены, что мы их мнения не спрашиваем. Впрочем, среди политических наследников царизма только несколько кадетских лидеров обладают некоторым политическим смыслом. И то! Эти целиком согласны с нами. Другие же и в счет не идут.

— А большевики?

— Вы шутите. С июльских дней влияние большевиков неуклонно падает. Они демагогическим образом возбуждают народное недовольство, но они и двух дней не просуществуют, как только воцарится правительство, которое мы подготавливаем. Впрочем, ведь это всего лишь небольшая банда, ужасная смесь иступленных фанатиков с изменниками. Придется расстрелять несколько сот человек, и порядок будет восстановлен, — закончил Нуланс.

При первом же нашем разговоре Нуланс освещался у меня, каких политических деятелей я намереваюсь видеть. На это я ответил ему, что, приехав с целью разносторонне ознакомиться с событиями, я буду пользоваться всеми возможными информационными источниками и, следовательно, рассчитываю встретиться с лидерами всех политических партий. Я сообщил ему, что имею рекомендательные письма к Чернову, Дану, Чхеидзе, Церетели. Посол пришел в негодование. Он предложил мне, а затем, видя, что его предложение не имеет успеха, приказал мне не видеться с этими пораженцами, этими опасными интернационалистами, связанными тем или иным способом с Германией. По его словам, они так же, как и большевики, утратили всякое влияние на ход вещей.

— Роль этих людей тоже кончилась, — сказал мне с авторитетом дальновидный посол, —

Бывший французский посол в России Нуланс.

В МЕСТАХ РАЗДОРА

Письмо из Ковно.

Маленькие, нищие, разбросанные далеко друг от друга деревушки. Живут от налета до налета. Целую неделю не было налета — не уводили лошадей, не разграбили углового домишка, не захватили ни у кого подводы — значит, неделя прошла хорошо. Нужно готовиться к следующей — одна пограничная часть сменит другую; понадобится свинина, подводы, водка: следует ждать налета.

Скучно и тревожно. За Неманом — польские посылы. Здесь — литовские. Глухо; никто не проезжал. Только изредка промчится подвода с контрабандной мануфактурой, спрячется в соседний лесок, и снова за целые сутки не покажется никто.

Это так называемая демарклиния между Литвой и Польшей, единственная граница между двумя странами, наглухо закрытая. Вокруг нее во всем мире шумят, пишут громадные статьи, помещают тревожные телеграммы, а там, на месте — глухая тишина, легко — тревожная ленца и полная апатия.

Неподалеку находятся знаменитые Друскеники, раньше славившиеся недействительными ни для какой болезни источниками и умением вытискивать деньги у приезжих бездельников, а ныне приездами Пилсудского.

— Пилсудский приехал в Друскеники...

Эта часто повторяемая новость будоражит все окружающее дня на три. С Пилсудским всегда „значительные лица“: штабные французские офицеры в красных штанах, английские наблюдатели с поджатыми вышитыми подбородками и какие-то штатские люди, преимущественно из типа тех польских публицистов, которые ходят в качестве приживальщиков около каждой помещичьей партии. Сегодня он верный глашатай варшавских мастодонтов, нацелившихся на Силезию, завтра он выпускает книги и брошюры о необходимости залепить кусок Украины, послезавтра он с кем-то шепчется о Друскениках, на военном автомобиле мчится в Вильну и там спешно выпускается брошюра:

„Литва должна быть нашей!“

Немедленно в Вильне собираются зубры, потерявшие свои имения в Литве, пишут резолюцию, а виленское монархическое „Слово“ (одна из влиятельных газет в... республике!) помещает „громовую“ передовицу:

— Доколе мы будем терпеть литовских холопов на нашей земле? Разве у нас нет улан, нет артиллерии? Добровольцы, беритесь за оружие!

И хотя это повторяется несколько раз в год, и хотя всяческие передвижения поляков около демарклинии сделались уже обычным явлением — все прекрасно понимают, что в один совершенно непредсказанный день какая-нибудь польская палая дивизия с пением похабных песен (отличительное свойство польских солдатских песен) может действительно перейти демар-

ПАН ПИЛУДСКИЙ В ДРУСКЕНИКАХ. В часы отдыха от своей фашистской работы маршал Пилсудский любит лежать на польском берегу Немана и смотреть вдаль, на литовский берег. При одном виде Литвы у польского диктатора текут слюнки.

линию и ударить по Ковно — литовская столица всего в 70—80 километрах от демарклинии.

Тогда в маленькой утлой Литве, в ее бестрамвайной, безводопроводной столице начинается тревога и жужжанье. Маленькие бесцветные газеты — общий тираж их на всю страну 8—10 тысяч — помещают тревожные плакатные заголовки:

— Пилсудский угрожает походом. Литва под ударом! Наступил решительный момент!

По маленьким кривым улочкам заспанного неочищенного городка летят польские автомобили, работает телеграф, гудит радио-станция, обычно занятая передателем на непонятном никому литовском языке сведений из старых немецких газет: „Ковно в тревоге“. Еще бы! Без постороннего внешнего вмешательства ничто не сможет спасти Литву, если Пилсудский захочет нажать. Надеяться на Лигу Наций — в этом отношении даже малокультурная Литва очень хорошо ориентируется, и всякое упоминание о Женеве вызывает злую и разочарованную улыбку. В эти дни на особняк полпредства СССР, обычно являющийся жупелом для обывателя — ибо всякое его посещение грозит неминуемой расправой со стороны литовской „жвагли-бы“ (разведки) — начинают смотреть с надеждой и умилением:

— Эти помогут... Москва не допустит... Эти надежды зарождаются даже у тех, кто

в мирные периоды шлют ежедневно тысячу проклятий на головы „большевиков“.

В городе становится еще глуше и тише. И без того мертвые улицы замирают совершенно. Все ждет. Не трудно догадаться, что если Пилсудский рискнет на открытый удар — маленькую литовскую армию раздавить нетрудно, и страна окажется захваченной. Глухо и враждебно начинает реагировать заброшенная полузапетная деревня. Она ничего не знает — ни о Лиге Наций, ни о международных осложнениях из-за планов Пилсудского, она не читает газет, она всецело в цепких лапах ксендза, поучающего ее по воскресеньям, но она знает одно:

— Придет Пилсудский, придут помещики, земля которых поделена. Значит, впереди старое „хлопство“, целование ручек, подати и оброки...

И если бы литовский город — в сущности, ряд маленьких местечек, население которых не больше количества жителей московского тушичка — и примирился бы с Пилсудским, литовская деревня схватится за ножи и вилы. Против таких перманентных документов окажется бессильной самая тонкая и изысканная политика варшавских дипломатических способов, подражающих своим западным коллегам до анекдотических подробностей во всем обиходе...

Таково положение в тех местах, о которых сейчас говорит весь мир.

П. Петров.

России надели все эти крайние левые, эти анархисты. Россия идет на право.

Разумеется, я не обратил никакого внимания на запреты Нуланса. Я не скрывал этого от него самого и даже заявил ему, что желаю увидеться и побеседовать с вождями большевиков. Нуланс строго-настрого запретил мне встречаться с большевиками. „Это было бы недостойно французского офицера!“ — сказал мне напыщенно этот добродетельный человек, который несколько недель спустя, вынужденный к тому обстоятельствами и смягченный страхом, должен был делать визиты вежливости Ленину и Троцкому. Он начал уверять меня, что эти последние находятся на жаловании у Германин, и что французское правительство имеет письменные доказательства их измены. Когда я попросил посла показать мне эти доказательства, он посоветовал мне обратиться к капитану Лоран, который руководил контр-разведкой фран-

цузской военной миссии. Капитан Лоран, сын одного из крупнейших промышленных магнатов Франции, повторил мне выдвинутые Нулансом обвинения. Он поклялся мне, что имеет в руках письменные доказательства измены большевиков и их связи с германским правительством. Когда же я ему возразил, что меня эти утверждения не удовлетворяют и что я хотел бы удостовериться в подлинности документов, о которых он говорил, он наотрез отказался мне их показать. Как я его ни убеждал в том, что в интересах правды не только нужно показать эти документы человеку, который, подобно мне, приехал изучать русскую революцию, но было бы важно и опубликовать их, ознакомить с ними весь мир — он стоял на своем, уверяя, что эти документы должны оставаться секретными. Вскоре я получил доказательство того, что все эти документы, подлежащие опровержению Ленина, были фальшивками.

Сразу по приезде в Петроград мне бросилась в глаза злая воля Нулансов и Лоранов. Я понял, что эти люди так же, как и те, кто их окружал, не остановятся ни перед какой ложью, ни перед каким преступлением, чтобы помешать победе революционного движения. Я сразу же ополчился против них. И сразу же я имел счастье заслужить их ненависть. Заказившая эту первую страничку моих воспоминаний, я хочу напомнить, как в 1925 году, когда я предстал в качестве обвиняемого перед военным судом в Орлеане, капитан Лоран, главный свидетель обвинения, был вынужден признать, что адская машина, взорвавшаяся 7 ноября 1918 года в Москве, должна была убить меня, чтобы охранить честь французской армии, и что это покушение было организовано агентами контр-разведки французской военной миссии.

Жак Садуль.

Перевел с рукописи Георгий Н.

КАК ИЗДАВАЛСЯ Л. Н. ТОЛСТОЙ

Статья проф. М. А. Цявловского.

Семидесятью годами закончилась для Толстого эпоха созидания больших эпохей, романов—хроник, и в восьмидесятые годы творчество Толстого—это период преимущественно „малого эпоса“, учительных рассказов в пародном складе, притчи и легенды с одной стороны, и религиозно-философских трактатов, с другой. Первые знаменуют собою не только новый „пароднический“ период творчества Толстого, но и важнейший этап жизненного пути писателя. Писание этих рассказов находилось в самой тесной связи с действительностью издательства „Посредник“. Издательство это было учреждено, по мысли и инициативе Толстого, в декабре 1884 года В. Г. Чертковым, привлеченным в качестве технического исполнителя задач издательства известного издателя И. Д. Сытина.

В марте 1885 г. вышли в свет первые книжки „Посредника“ (стоимостью в 11¹/₂ коп.) — рассказы Толстого: „Чем люди живы“, „Бог правду видит, да не скоро скажет“ и „Кавказский пленник“. Проникавшие благодаря Сытину, имевшему большие связи с офицерами, в самые глухие деревенские углы, эти книжки и длинный ряд других произведений Толстого распространялись в сотнях тысяч экземпляров, и Толстой, как никто из русских писателей, стал писателем народным.

В деле распространения произведений Толстого фактом исключительной важности был отказ писателя от авторских прав литературной собственности. Четвертое издание собрания сочинений Толстого было последним, в котором принимал участие Лев Николаевич. Тяготясь делами, связанными с собственностью, Толстой осенью 1884 г. выдает жене Софье Андреевне доверенность на ведение такого рода дел и на издание его сочинений. Но это не удовлетворяет Толстого, и в № от 19 сентября 1891 года „Русских Ведомостей“ появляется письмо его к редактору, в котором Толстой пишет:

„Предоставляю всем желающим право безвозмездно издавать в России и за границей по-русски и в переводах, а равно и ставить на сценах все те из моих сочинений, которые напечатаны в XII томе издания 1886 года и в вышедшем в нынешнем 1891 году XIII томе, так равно и мои не напечатанные в России и могущие впоследствии, т. е. после нынешнего дня, появиться сочинения“.

Отречение было неполным только лишь в виду претензий, которые нельзя не признать справедливыми, со стороны семьи, главным источником существования которой являлся доход от продажи сочинений Льва Николаевича. Являясь монополией издательницей сочинений Льва Николаевича до 1881 года и первой по времени издательницей всех остальных сочинений, Софья Андреевна выпустила за двадцать пять лет—с 1886 г., когда вышло первое (в 11 томах) ее издание собрания сочинений (по общему счету—пятое) по 1911 г., когда вышло, уже после смерти Толстого, ее последнее (в 20 томах) 12-е издание,—всего восемь изданий.

Издания С. А. Толстой, конечно, не препятствовали другим издательствам зарабатывать на Толстом немалые деньги переизданием его произведений с 1881 г.

До революции 1905 года не только философско-религиозные и многие публицистические статьи Толстого в России в лучшем случае появлялись или с цензурными

искажениями, или даже в извлечениях под вымышленными названиями, но и с художественными произведениями бывали „неприятности“.

Так, в 1887 г. благодаря Победоносцеву была запрещена к печатанию „Власть тьмы“. Правда, Софья Андреевна скоро добилась разрешения, и задержка послужила только к вичшему успеху пьесы, который разошелся в три дня 250.000 экземпляров. Труднее было провести цензуру „Крейцерову сонату“. Первоначально Толстой дал (в 1889 г.) эту вещь в печатавшийся в Москве сборник памяти хорошего знакомого Льва Николаевича—писателя С. А. Юрьева, но цензура повесть не разрешила. Не увенчалась успехом и попытка напечатать „Крейцерову сонату“ в журнале „Неделя“. Несмотря или, вернее, благодаря этим запретам, повесть разошлась во многочисленных списках и

ПЕТЕРБУРГЪ, 24-го февраля.

Дарованная Ведомости. Определение синода. Святейший синод, в своем поведении к чадам православной церкви, охраняя нас от губительного соблазна и спасая заблуждающихся, имеет суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противокрестном извращении, признавая благопримечатель, в предупреждение параша мира церковного, обнародовать нижеследующее послание: „Вожия ниясто святейший всероссийский синод ввержи чадъ православныхъ католическихъ греко-русской церкви о Господи радоваться. Молитвы, братие, блаженны от творящихъ распри и раздоры, крои учения, ему же вы научаетесь, и убождаетесь отъ нихъ (Гимн. 16, 17). Начала церкви Христова торжвала храм и наделения отъ многочисленныхъ ересионъ и лжеучителей, которые стреланияхъ испровергаютъ ее и поколебать въ существенныхъ ея основаніяхъ, утверждающихся на вѣру во Христа, Сына Бога живаго; но всѣ силы ада, по обобавию Господню, не могли одолѣть церкви святой, которая пребудетъ неотлѣнно во вѣки. И въ нынѣ дни Вожияхъ попушеіяхъ явилася новый лжеучитель графъ Левъ Толстой, извѣстный міру писатель. Русскій по рождению, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прещеніи торжого ула своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его и на святое Его достояніе, явно предъ всѣми отрелся отъ вскрившей и воспитавшей его матери-церкви православной и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространіе въ народъ учения, противнаго Христу и церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердилъ вселенную, которой жила и спасался нами предки и которому доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и писаніяхъ, во множествѣ разсѣлаемыхъ и въ его ученияхъ по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ съ ревностію фанатика испроверженіе всѣхъ догматовъ православной церкви и самой

сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго, живаго Бога, во святой Троицѣ славнаго, Создателя и промишлителя вселенной, отрицаетъ Господа Иисуса Христа Богочеловѣка, Испытателя и Спасителя міра, пострадавшаго за насъ ради, человѣковъ, и нашего ради спасенія и поскршеннаго за мертвыхъ; отрицаетъ безсмертное зачатіе во челоуѣчествѣ Христа Господа и дѣство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи; не признаетъ загробной жизни и ндоуводанія; отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодѣіе въ нихъ дѣйствіе Святаго Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнувшись подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святыню евхаристію. Все сіе проповѣдуетъ графъ Левъ Толстой неперывно, словесно и писаніемъ, къ соблазну и ужасу всего православнаго міра, и тѣмъ не прикрывено, но явно предъ всѣми, сознательно и нахѣбно, оторъсь себя самъ отъ всякаго общенія съ церковью православною; бывша же къ его вразумленію попытка не увѣчалась успѣхомъ. По сему церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколь онъ не раскается и не постановитъ своего общенія съ нею. Нынѣ о семъ свидѣтельствуемъ предъ всею церковью въ утвержденіе православія и въ вразумленіе заблуждающихся, особливо же къ поуму вразумленію самого графа Толстого. Многіе изъ ближнихъ его, хранящихъ вѣру, со скорбію помышляютъ о томъ, что онъ на концѣ дней своихъ остается безъ вѣры въ Бога и Господа Спасителя нашего, отрелись отъ благословенія и молитвы церкви и отъ всякаго общенія съ нею. По сему, свидѣствуя объ отреленіи его отъ церкви, вѣстѣ и молился, да подастъ ему Господь покаяніе въ разумъ истинъ (2 Тим. 2, 25). Молитлись, милосердый Господи, не хотяи смерти грѣшника, услыши и помилуй и обрати его ко святой твоѣй церкви. Аминь“. Подписали: Антоній, митрополитъ петербургскій и ладожскій. Феогностъ, митрополитъ кіевскій и галицкій. Владимиръ, митрополитъ московскій и коломенскій. Геронимъ, архіепископъ холмскій и варшавскій. Іаковъ, епископъ кишиневскій и хотинскій. Маркеллъ, епископъ. Вордло, епископъ.

Постановление синода от 22 февраля 1901 г. об отлучении от православной церкви Л. Н. Толстого.

„подпольных“ тиснениях. Н. Н. Страхов в апреле 1890 года писал Льву Николаевичу: „Конечно, вы знаете, что целую зиму только о повести и говорили и что, вместо „как ваше здоровье?“—обыкновенно спрашивали: „Читали ли вы „Крейцерову сонату?“ Цензура очень вам услужила, задержавши печатание“.

Как ни велик был шум, поднятый вокруг „Крейцеровой сонаты“, он теперь кажется незначительным по сравнению с той, можно сказать, сенсацией, которой сопровождалось печатание в течение 1899 года „Воскресенья“, на долю которого вынул наибольший успех из всего написанного Толстым. Печатание романа в России и за границей имело свою большую, сложную историю, из которой напомним лишь некоторые факты,

Необходимость материально помочь духовцам, переселившимся с Кавказа в Америку, заставила Толстого продать „Воскресенье“ (по тысяче рублей за печатный лист) издателю еженедельного журнала „Нива“—А. Ф. Марксу. Последний предлагал Толстому гонорар в два с половиной раза больше, с тем, чтобы иметь исключительное право издания „Воскресенья“ в течение известного (хотя бы и небольшого) времени по окончании печатания романа в журнале, но Толстой на это не согласился. Желая иметь максимальное число подписчиков и опасаясь, что из типографии, где набирался роман, оттиски набора от наборщиков, подкупленных предпринимателями издателей газет, попадут в руки этих издателей, А. Ф. Маркс, как говорит предание, нумеровал листки оригинала известным лишь ему и пользовавшимся его исключительным доверием

метрапжажу шифром, по мнению Маркса, не позволявшим наборщикам иметь более или менее значительные по размерам отрывки текста. Но наборщики оказались не глупее Маркса, и части романа не только немедленно по выходе номеров „Нивы“ перепечатывались, но в некоторых газетах появлялись одновременно с „Нивой“, а порой чуть ли даже не раньше ее. Это повергло в отчаяние бедного Адольфа Федоровича, и он взмолился к Толстому, прося его заступничества. Находя жалобы Маркса справедливыми, Лев Николаевич в письме в „Русском Слове“ (№ 91) просил „подождать перепечатыванием“ романа до окончания печатания его в „Ниве“. Это обращение возымело некоторое действие на бойких издателей. Хуже обстояло с цензурой, нещадно выбрасывавшей целые главы и много отдельных мест и вырванных, вследствие чего печатание романа несколько раз прерывалось.

О колоссальном успехе „Воскресенья“ свидетельствует хотя бы число его изданий. Только на русском языке их вышло до сорока.

Немалую роль сыграло „Воскресенье“ и в личной жизни Толстого: изображение Победоносцева в лице Топорова, как известно, было поводом к отлучению от церкви Льва Николаевича.

Революция 1905 года, на короткий срок сломившая цензурные рога, впустила в Россию запрещенные произведения Толстого, в большом количестве хлынувшие в читательские массы. Но продолжалось это недолго (1905—1907); власть скоро „оправилась“, и снова начались запрещения и уничтожения произведений великого писателя и всяческие преследования лиц, причастных к распространению толстовских текстов.

Смерть Толстого ровно семнадцать лет тому назад была причиной сильного увеличения числа изданий его сочинений.

Главнейшими фактами в истории распространения сочинений Толстого после его смерти, кроме уже названного нами издания С. А. Толстой, были издания дочери писателя А. Л. Толстой и В. Г. Черткова „Посмертных произведений“ (самое значительное из них „Хаджи Мурат“) и собрание сочинений под редакцией П. И. Бирюкова, изданное Сытиным первоначально в двадцати томах в 1912—1913 гг., а затем в 1913 г. в виде приложения к „Русскому Слову“ в двадцати четырех томах и к „Вокруг света“ в 48 книгах.

С тех пор в течение сорока лет „собрания сочинений“ Толстого в России не издавались.

М. Цявловский.

ПИСЬМА О „РУССКИХ ЖЕНЩИНАХ“

8 января 1928 года исполняется пятьдесят лет со дня смерти великого поэта Некрасова. К этому времени „ОГОНЕК“ вынуждает специальный НЕКРАСОВСКИЙ НОМЕР (№ 2, 1928 г.), где в числе прочего материала будут напечатаны три совершенно законченных произведения Некрасова, никогда не бывшие в печати: „Старик“, „Ямщик и барыня“ и, „Ой, жажда православная!“. Рукописи этих произведений найдены недавно в бумагах Некрасова исследователем его жизни и творчества — Корнеем Чуковским.

Когда Некрасов писал „Русских женщин“, он меньше всего хлопотал об исторической правде. Изображать блестящих графинь и княгинь, вращавшихся в придворном кругу — несколько не соблазняло его. Ему ли, печальнику горя народного, сочувствовать тем кастовым, аристократическим принципам, которые руководили этими светскими женщинами, когда они отправлялись в Сибирь вслед за своими мужьями! Нет, он восхищался ими лишь потому, что они — мученицы самодержавного строя. Он намеренно придал им в своей поэме такие черты, которых у них не было: черты революционной настроенности. Насколько позволяла цензура, он сделал их похожими на различных революционерок семидесятых годов. Он заставил их проклинать великосветское общество и восторженно расхваливать крестьян. Они вышли у него демократками, которым, пожалуй, даже не чуждо „хождение в народ“.

Всякому было ясно, что в этой поэме Некрасов выступает отнюдь не как историк, а как пропагандист революционных идей. Но этого нарочно не хотела понять тогдашняя ретроградная критика, укорявшая поэта в искажении действительности. Не понимали этого и те представители умеренно-либеральных кругов, которые некогда были соратниками Некрасова по его „Современнику“. Недавно в бумагах Некрасова нами найдено одно письмо, в котором это непонимание сказалось с замечательной яркостью. Письмо написано известным критиком и меценатом Павлом Васильевичем Анненковым и представляет собою критический отзыв о только что вышедшей в свет Некрасовской поэме „Княгиня Волконская“.

Приводим это письмо целиком.

20 марта н. ст. (1873 г.) Висбаден.

Я получил Вашу книжку, многоуважаемый Николай Алексеевич, и благодарю, что не забыли старого товарища, который видел Ваше развитие, начиная с водеvilных ценонок. Я прочел Вашу „Волконскую“ еще в „Отечественных Записках“ — и теплота чувства, разлитая в нее, пригрела и меня, как, вероятно, пригрет и других читателей стихотворения.

По моему мнению, этой картине недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно-верной исторической картиной, именно — благородно-аристократического мотива, который двигал сердца этих женщин.

Вы благоговееете перед ними и перед великостью их подвига, — и это хорошо, справедливо и честно, — но ничто не возбраняло поэту показать и знание основных причин их доблести и поведения — гордости своим именем и обязанности быть оптиматами, высшей людской породой во всяком случае. Это не уменьшило бы значение нравственное этих личностей, но показало бы, что поклонник их, воспевавший им правдивые гимны, знает вполне все содержание личностей. Ведь Трубецкая и Волконская совсем не то, что мужичка-любовница, которая живет в Сибирь по этапу за своим возлюбленным, и часто — тираном. Для этой каторга была и есть действительной каторгой — без всяких утешительных представлений об исполнении долге, о своем достоинстве и пр. Для па-

ших великих женщин 1825 г. каторга была апефеозой. Не мешало бы намекнуть на этот особенный оттенок в их доблести и самоотвержении. Была бы тогда и психическая, и историческая истина, вместо поэтической, которая теперь одна на первом плане. Впрочем, и ее достаточно много, чтобы Вы назвали меня непрошеным

*Поэт и на меня (Михаил)
Хотели бы вы — то есть и вы
свершить, а не просто
думать, подвиги и т. д.*

*Наша Висбаденская
Старуха — это же не
на дитя — это же не
хитроумная Катя, что-то
была — и не что-то, а то.*

*Я привел ее на память
идти только как доказательство,
что судьба этих женщин
сильно действует на воображение
и что это не выдумка, а нечто
иногда описано наряду с другими
и с которыми автору
фигурировали, а вы их
и судьбу и характер
свершили и доказали.*

Нежданное письмо И. А. Гончарова к Н. А. Некрасову по поводу „Русских женщин“ (третья страница)

советчиком и эрудистом, в чем и я могу сойтись с Вами и без труда и огорчения.

Жена моя Вам кланяется. До мая мы отсюда ни погой, ибо весна, говорят, здесь первый сорт, и хочется поглядеть на это чудо, давно мною не виденное. Прощайте, друг. Весь ваш.

И. Анненков.

Нужно было совсем не знать Некрасова, чтобы предъявить к нему такие безумные требования. Неужели Анненков всерьез полагал, что поэт, всю жизнь воспевавший крестьян, станет на старости лет, в самый разгар народничества, возвеличивать великосветских людей, как „высшую людскую породу“! Мог ли он хоть на одну минуту думать, что Некрасов отдаст предпочтение аристократическим барышням перед „мужичкой-любовницей“, которая идет за своим другом в Сибирь якобы без всякого понимания и смысла.

Нет, Анненков отлично сознавал, что предъявляет к Некрасову невыполнимые требования, но ему, эстету, было всегда неприятно „мужиколобие“ Некрасова, и в этом „простодушном“ письме он выразил ему свой протест против демократических тенденций всего его творчества.

Некрасов не стал с ним спорить. Он ответил ему столь же „простодушно“, что и рад бы воспеть аристократических женщин, да наша аристократия крайне неподатлива на соображения фактов, относящихся к декабрьскому бунту. Как я уже указывал в моей книге, посвященной поэту, он считал талантливых людей — „приживальщиком при талантливых людях“ — и издевался над ним в эпиграммах и в рассказе „Каменное сердце“.

И. А. Гончаров тоже получил от Некрасова поему „Княгиня Волконская“, но, очевидно, поэма ему не понравилась, потому что в письме к Некрасову он так и не сказал своего мнения о ней. Впрочем, в то время все его чувства были парализованы страхом: Некрасов написал ему, что в отдельном издании поэмы хочет процитировать его, Гончарова, рассказы о жизни декабристов в Сибирии. Это очень испугало болезненно-мнительного автора „Обыкновенной истории“, и он написал Некрасову такое письмо:

Большое спасибо Вам, любезный Николай Алексеевич, за присылку „(Отечественных) Записок“, но всего более за отдельный оттиск поэмы. Благодарю и, Зинаиду) Н(иколаевну), которая, вероятно, любезно участвовала в этом деле.

Между тем, к слову — хочу предупредить Вас на счет некоторых слышанных мною на месте и переданных Вам мелких подробностей о житье-бытье героев и героинь Вашей поэмы. Мне кажется, их надо подвергнуть некоторой цензуре к(нязя) М(ихаила) С(ергеевича) Волконского, как живого свидетеля, участника и, следовательно, единственный верный источник, потому что я слышал их давно, в толпе, не помню от кого, а о более или менее известных лицах всегда ходит много слухов, анекдотов, проверить которые могут только близкие люди. Поговорите с ним, чтобы не выкралось в характеры каких-нибудь неверностей.

Полагаю также, что и ссылаться — в предисловии или примечаниях — можно, только или на печатные источники, или на этих же самых близких лиц, то-есть князя Волконского и других еще живых свидетелей.

Все прочее в этом деле никакого авторитета иметь не могут, — и потому, если известие окажется неверно, то могут сказать, что их выдумали нарочно. Вот как Бунашов, говорят, выдумал много пустяков.

Поэтому и на меня (как хотели было) тоже неловко ссылаться, а также и на других подобных же неблизких людей.

Намек в нескольких строках моей книги на этих героинь — такая ничтожная капля что, — ради бога, — и не упоминайте о ней.

Я привел ее на память только как доказательство того, как судьба этих женщин сильно действует на воображение — что и веномил о них наряду с другими сильными историческими женщинами, а Вы избрали их судьбу и характеры сюжетом для целой поэмы.

Впоследствии другие будут, вероятно, делать из них статуи, драмы и т. д. Это самый благодарный предмет для искусства, а теперь, пока близко, нужно, к сожалению, соблюдать осторожность.

Еще раз спасибо — и до приятного свидания.

31 января (1873). Ваш И. Гончаров.

Гончаров, цензор и крупный чиновник, не хотел, чтобы его имя пристегивалось к революционной поэме, напечатанной в радикальном журнале.

К. Чуковский.

СИНКЛЕР ОБ УБИЙСТВЕ САККО И ВАНЦЕТТИ

В 1928 году роман „Бостон“ будет печататься в журнале „Огонек“.

Американский писатель Энтон Синклер пишет в настоящее время последние главы нового романа „Бостон“. Бостонские власти недавно наложили запрет на роман Синклера „Нефть“, в котором описывается афера Детердинга. Тем более рьяно обрушатся блюстители справедливости и порядка на этот новый роман, где с документальной точностью описан весь процесс Сакко и Ванцетти, со всеми особенностями „чистоплотной“ деятельности высоких лиц штата Массачусетс.

Синклер только недавно вернулся из Бостона, где он пробыл в течение шести недель и где ему удалось посетить всех, так или иначе принимавших участие в процессе Сакко и Ванцетти, — анархистов, социалистов, банкиров, судей, чиновников, журналистов, профессоров и общественных деятелей. Кроме того, Синклер в течение своей жизни часто бывал в Бостоне и хорошо знает обычаи, нравы, курьезы и нелепости этого консервативнейшего из консервативных городов. За те семь лет, в течение которых продолжался процесс Сакко и Ванцетти, не было во всем мире ни одного человека, кто бы так или иначе не интересовался им. Борьба за освобождение Сакко и Ванцетти являлась не попыткой спасти двух невинных людей, а грандиозной борьбой всего мира против жестокой несправедливости угнетателей. Поэтому роман Синклера представляет большую ценность.

В романе выведены все главные действующие лица процесса двух анархистов и точно описывается роль каждого в этом деле. Все эти лица выведены под их собственными именами, и факты изложены с документальной точностью. Благодаря этому роман является, собственно, хроникой американского рабочего движения. Действительность на этот раз оказалась много интереснее всяких приключенческих романов. Весь этот процесс начался с абсурдного по своей незначительности факта. Полиция в поисках фактических убийц, в преступлении которых обвинили Сакко и Ванцетти, нашла в квартире Ванцетти маленькое карманное зеркальце, схожее по отделке с принадлежностями из дорожного несессера, найденного в автомобиле настоящих преступников. Это „неопровержимое“ доказательство послужило исходным пунктом ко всему процессу, закончившемуся во славу непогрешимости массачусетской юстиции.

Роман написан с целью дать точную хроникой событий, связанных с процессом Сакко и Ванцетти.

Благодаря случайному совпадению, одновременно с этим процессом суд штата Массачусетс разбирал другое дело, составлявшее яркий и характерный контраст с процессом Сакко. Группа крупных капиталистов-банкиров, являвшихся в то же время представителями аристократических кругов Бостона, занималась тем, что, пользуясь своей осведомленностью о кредитоспособности своих банковских клиентов, припирала в нужный момент к стенке запутавшихся фабрикантов и торговцев. В так называемом деле Виллетт, они приобрели меховую фабрику, приносящую свыше миллиона долларов в год, за 625.000 долларов. Третейский суд, куда год спустя обратились фабриканты, приговорил группу банкиров к уплате 10 млн. долларов компенсации. Но высший суд Массачусетса, в который перешло дело, рассудил иначе. Судьи не выдержали напора „дружеских чувств“ к высокопоставленным банкирам и оправдали их полностью. Это дело по странному совпадению разбиралось в то же самое время и тем же самым составом судей, что и процесс Сакко и Ванцетти.

В романе „Бостон“ сюжет разворачивается на фоне этих двух процессов. Тип

героини Корнелии Торивель очень характерен для Бостона, изобилующего престарелыми леди, посвящающими остаток своих дней „благотворительности“, каждая на свой манер.

Корнелия 20-летней девушкой вышла замуж. Брак ее был браком по рассудку, а не по любви. Дети и внуки Корнелии отличались тем, что всю жизнь делали как раз обратное тому, чего от них ожидала их родоначальница. Квинси Адам

Писатель Энтон Синклер.

Торивель скоропостижно скончался, оставив ее уже 60-летней старухой. Церемония похорон с внешней стороны была обставлена со всей подобающей торжественностью. А за кулисами, т. е. скрытые от взоров посторонней публики, происходили сцены дележа наследства между родственниками, рисующие их с весьма неблаговидной стороны. У Корнелии — трое дочерей. Все они замужем за видными банкирами города. В ряде беглых сцен читатель знакомится с персонажами романа и их социальным положением. После похорон вдова пишет письмо своим дочерям, в котором она сообщает им, что она желает удалиться от них и создать себе совершенно новые жизненные условия.

Затем Корнелия, в простой одежде, с головной повязкой, платком, сходит с автобуса в городок Плимуте штата Массачусетс и спрашивает у

маленького итальянского мальчика, не знает ли он семью, которая согласилась бы впустить квартирантку. Мальчик отводит ее к своей матери. На следующий же день один из соседей предупреждает Корнелию о том, что она поселилась в семье ярых анархистов. Корнелия очень довольна, т. к. считает, что этим положено начало новых переживаний ее на отклонившемся от нормального жизненного пути. Она поступает простой работницей на плимутскую канатную фабрику и заводит знакомство со своим соседом по квартире, молодым черноусым итальянским рабочим Бартоломео Ванцетти. Вместе с ним она совершает ряд прогулок. Он излагает ей принципы анархизма. Она впервые сталкивается с подобными рода людьми. Больше всего ее поражает то, что эти люди, неспособные убить муху или обидеть ребенка, сознательно идут на террористические убийства.

Летом в Плимут приезжает на канпулы одна из внучек Корнелии. Среди работниц фабрики она узнает свою бабушку. Корнелия приходится посвятить внучку в свой секрет. Молодая девушка знакомится также и с Ванцетти. Будучи более молодой и легче поддающейся влиянию, она уже через месяц пишет своему жениху, студенту аристократического Гарвардского университета, что она не хочет выходить за него замуж, а согласна лишь на свободное сожительство. Легко можно себе представить, что это письмо произвело в благочестивом Бостоне впечатление разорвавшейся бомбы. Когда начинается процесс Сакко и Ванцетти, Корнелия вместе со своей внучкой отправляются странствовать по белому свету, изучают быт угнетенных и обездоленных и пытаются по мере сил и возможностей оказаться полезными.

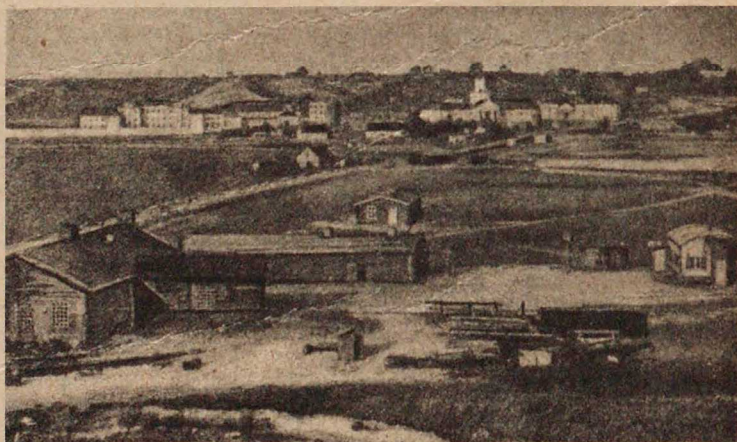
Мужья дочерей Корнелии Торивель являются как раз теми банкирами, которых так „трогательно“ оправдал массачусетский суд. Бандиты-капиталисты выходят из зала суда, окруженные ореолом невинных страдальцев, в то время как двое рабочих присуждены к казни на электрическом стуле за не совершенные преступления.

Полный волнующих подробностей о том, что до сих пор не перестало, да и никогда не перестанет интересоваться весь мир, этот роман вряд ли будет допущен к продаже в стране электрических кресел и „обезьяньих“ процессов.

Зато у нас в СССР этот роман будет, конечно, прочтен с большим интересом.

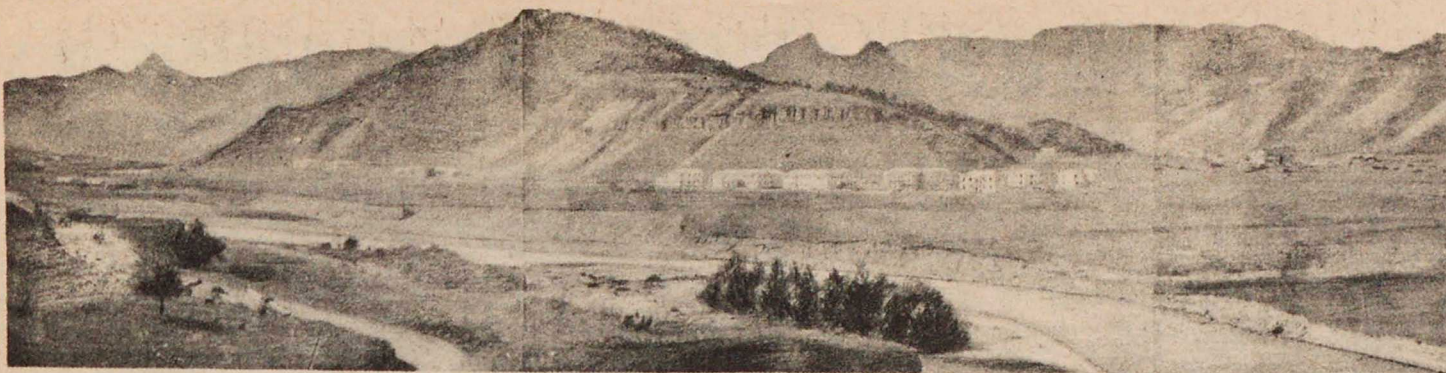
Е. С.

ПАНСКОЕ „ОКНО В МОРЕ“

Как известно, по Версальскому миру Польша так называемым данцигским коридором отрезана от моря. Вместе с тем, для удовлетворения честолюбия польской буржуазии, новообразованное государство было наделено небольшой береговой полоской, в центре которой находится рыбацкая деревня Гдыня. Здесь Польша старательно организует свою морскую базу. В виду значительного мелководья в Гдыне могут находиться только мелкие морские единицы. Однако, Польша оборудовала свое „окно в море“ по последнему слову современной военной техники. Не довольствуясь Гдыней, Пилсудский целится на литовский порт Мемель.

На снимке: казармы и военные сооружения в Гдыне.

Общий вид Микоян-шахара.

МИКОЯН-ШАХАР

Очерк Дм. Стопова.

Вот уже два года, как по аулам Карачаевской автономной области гуляет легенда о новом, своем городе, о столице Карачая. Легенд в этой горной сказочной стране не мало, население прислушивается к ним, передает из уст в уста. Так же рассказывали, передавали и о новом городе. Где он, новый, единственный город? Дороги в Карачае трудно-проходимые, очевидцев здесь мало, по узким ущельям слухи пробираются быстрее людей.

Но такова уж наша жизнь! — современные легенды имеют обыкновение претворяться в действительность. К десятилетию Октября не слух, не устная передача, а бумажка из исполкома „за подписью и печатью“ известила всех карачаевцев:

— Выделите делегатов! Присылайте гостей на открытие шахара (города)! Город возник, новая ваша столица выстроена! Из аулов потянулись гости.

Несколько дней до Октябрьских торжеств в Карачае можно было наблюдать занятное зрелище. По узким ущельям, по тропам, по отвесным горам шли пешеходы, скрипели арбы, гарцовали на великоколесных конях верховые. Все они тянулись к заветной точке — к новому городу. Женщины играли на гармониях, мужчины подпевали им. Почевали в горах; человеческий ручей сливался с человеческим ручьем. В горах раскладывали костры, при тепле костров мечтали вслух — какова она, столица?

А столица тем временем готовилась к приему гостей.

Часть новых зданий была еще в лесах, многие зияли провалами черных, пустых окон. Но большинство домов закончено, город выстроен. По вечерам электрический свет заливает новые его улицы, и в эти вечерние часы шахар действительно похож на сказку. Ибо кругом, тут же, придвинувшись вплотную к зданиям, город обступили высочайшие горы, ибо в горах по ночам еще слышен плач сов, крики диких зверей, клекот проснувшихся орлов.

В самом деле, не сказка, не легенда ли все это? Народ, который до революции ютился в ущельях; народ, не имевший даже своей письменности, живший впро-

иметь свой центр. Несколько лет центр области находился в Армавирском округе, в Баталпашинске. В Карачае не было своих городов. Только сейчас государственные учреждения будут перенесены в Микоян-шахар.

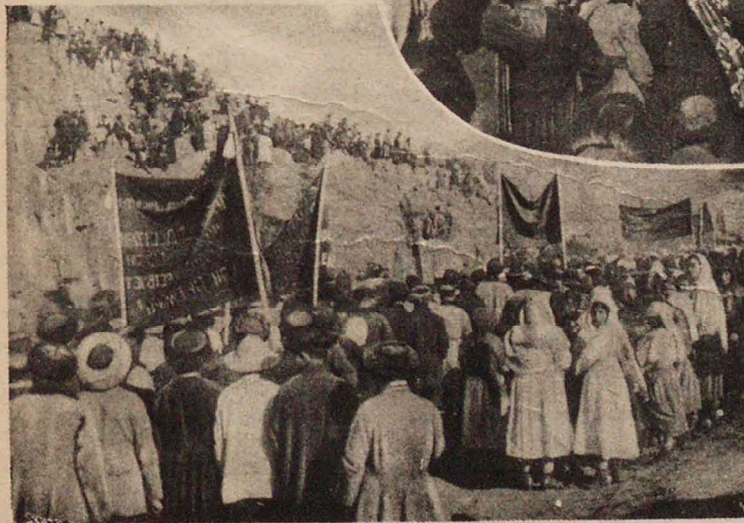
Новый город своеобразен и красив. В нем ничего нет от наших уездных и губернских городов. Прежде всего, он весь новый, весь он одностилен. Двухэтажные дома из гранита. Ровные, ровные улицы. Зеленые крыши. Просторные, светлые комнаты. Широкие дороги. Их строили с расчетом. У города этого, как и у всей области, богатая будущность. В горах — ценнейшие недровые богатства — от розового мрамора до меди и серебра. На горах — хвойные и твердолиственные леса. Город, область — будут

Карачаевцы расположились лагерем у нового города.

Митинг после открытия.

Карачаевцы идут на открытие Микоян-города.

лодь; народ, который просто не существовал — многое ли вы слышали раньше о карачаевцах? — народ этот получил автономию, получил возможность жить в своих деревнях-аулах, учить своих детей,

расти, развиваться. Пока что сделан первый решительный шаг. За ним последуют другие.

Первый шаг — самый трудный — сделан.

Город, область призваны к существованию.

Микоян-шахар — не сказка, не легенда.

Микоян-шахар — факт, город существует.

Вот почему так отрадно, так полнозвучно и красочно было отпраздновано его открытие.

Народу собралось несколько тысяч.

Многие за сотни верст приехали с женами и детьми.

Группами они расположились у Кубань-реки и Теберды. В центре этого своеобразного лагеря возникла трибуна. Гости из Москвы и Харькова, из Ростова, Кубани и других областей приветствовали воистину воскресший народ. Переводчики переводили речи гостей.

Празднество длилось несколько дней. По улицам толпами ходили карачаевцы. Распиренными, полными удивления глазами они озирали, рассматривали это чудо, чудо в непроходимых горах. Тут же устраивались скачки и танцы. И тут же будущее говорило устами местных работников. Через несколько лет железная дорога протянет к Микоян-шахару ровные линии стальных своих рельс. Через несколько лет горы услышат единой волей тысячи кряк и лопат. Богатства недр будут извлекаться наружу. Край будет богатеть и развиваться.

Чудесная легенда утверждения новой, трудовой жизни до конца будет претворена в жизнь.

Дмитрий Стопов.

„10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

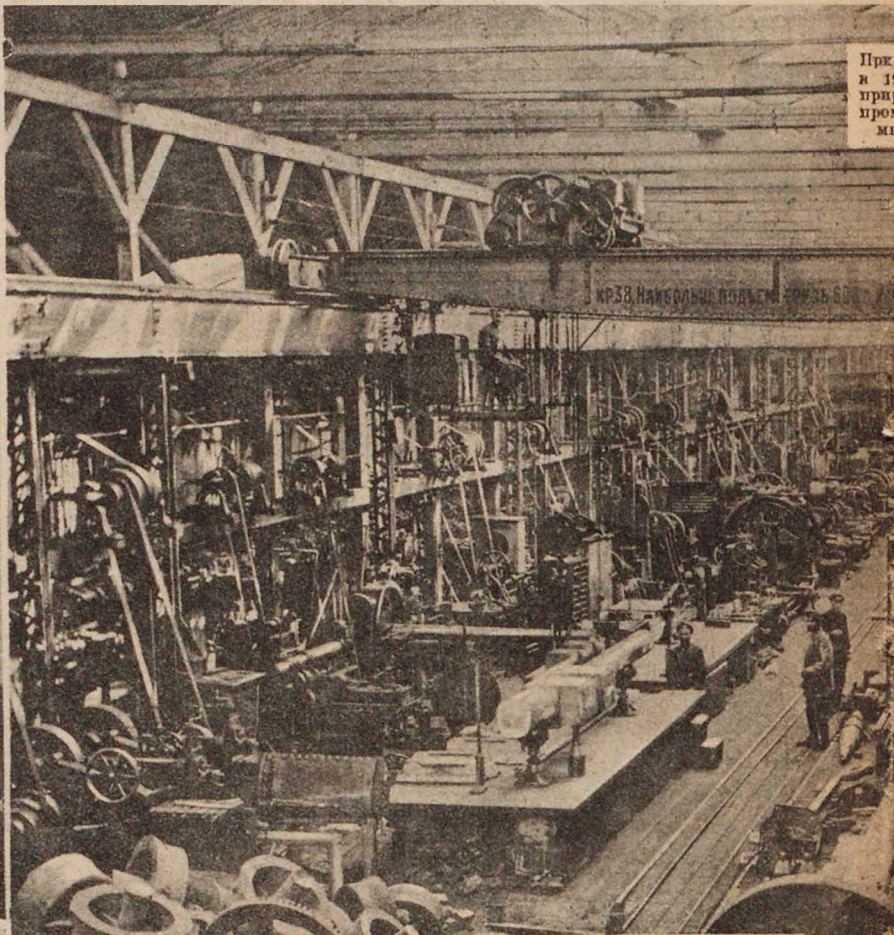
Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руководством для изучения Советской страны. Издание Акционерного Издательского О-ва „ОГОНЕК“.

ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА

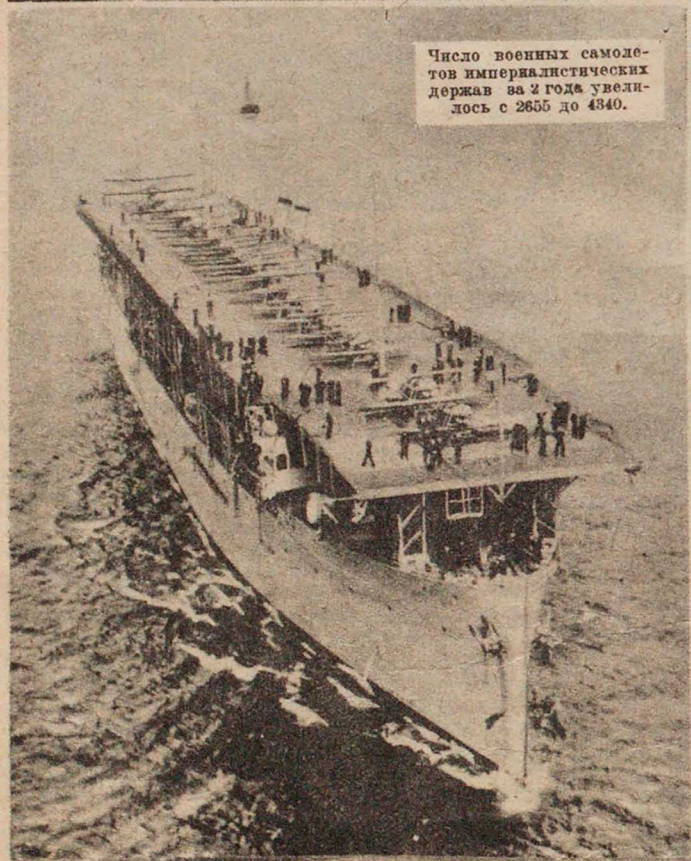
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ

Тоннаж крейсеров увеличился за 4 года с 744 тыс. до 864 тыс. Таковы результаты «политики разоружения» буржуазных стран.

Прк
и 1
при
про
ми

Число военных самолетов империалистических держав за 2 года увеличилось с 2655 до 4340.

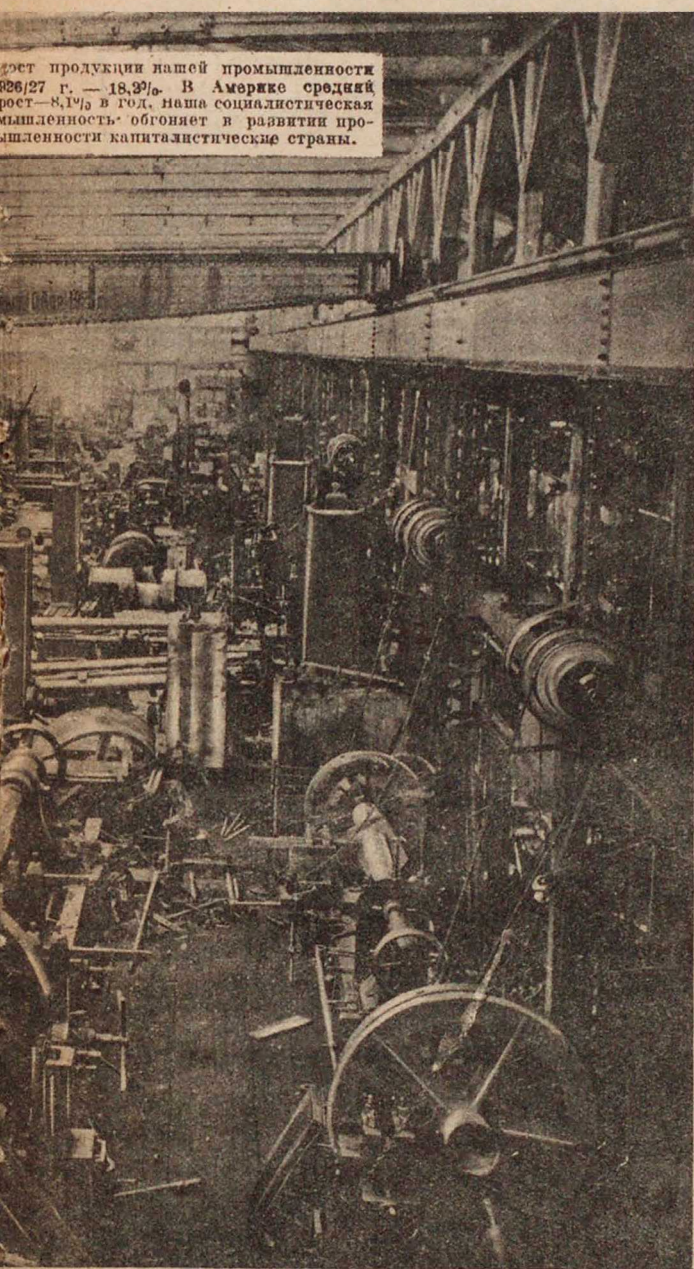
Госторговля и кооперация за три года снизили роль частного капитала с 72,6% до 18,1%.

XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) целиком одобряет политическую и организационную линию Центрального Комитета.

Съезд констатирует, что правильная политика ЦК обеспечила в труднейших условиях отчетного периода, укрепление международной мощи СССР, повышение роли нашей страны, как фактора международного мира, рост авторитета СССР, как очага всемирного революционного движения.

УНИЗМА ВО ВСЕМ МИРЕ!

У ЦК ВКП (б) НА XV ПАРТИЙНОМ СЪЕЗДЕ.

рост продукции нашей промышленности в 1926/27 г. — 18,3%. В Америке средний рост — 8,1% в год, наша социалистическая промышленность обгоняет в развитии промышленность капиталистических стран.

Из 1905 млн. населения земного шара 1134 млн. живут в колониях и полуколониях, 143 млн. — в СССР, 264 млн. — в промежуточных странах, и только 363 млн. в крупных империалистических странах, угнетающих колонии и полуколонии. Революционное пробуждение колониальных стран предвещает конец мирового империализма.

Прирост с.-х. продукции в 1926/27 г. — 4,1%. Этот темп нельзя считать достаточным.

Благодаря политике ЦК, внутри страны были достигнуты серьезные успехи в области социалистического строительства, неуклонно подымались производительные силы в городе и деревне при растущем перевесе социалистических элементов во всей экономике, повышался материальный и культурный уровень рабочих и крестьянских масс, укреплялся Союз Советских республик на основе правильного проведения ленинской национальной политики, укреплялся союз рабочего класса с крестьянством, возрастало руководящее влияние пролетариата и его партии, и в целом систематически упрочивались позиции пролетарской диктатуры,

УЛИЦА ВОССТАНИЯ

Рассказ Веры Ийбер.

Перед тем как упасть, березовый лист долго трепещет в воздухе. Оторвавшись, он нелегко летит, и кажется, что никогда не коснется земли. Но пыннее всего облетает клен. Перед смертью он одевается в золото и пурпур, как знамя, и другие деревья завидуют ему... В осенний день можно умереть, погибнуть можно от жажды жизни. В это время можно окончательно захмелеть от первой же рюмки осени. Особенно, если думать о прошлом.

Что касается прошлого, оно полно ошибок. Оно полно грамматических ошибок, потому что человек, захмелевший от первой же рюмки осени и сидящий вот сейчас на окраинном бульваре Москвы, человек этот в свое время занимался педагогикой. Ошибки его многочисленных учениц были крупны и обильны, как кленовые листья на осенней земле. Мелких же, березовых ошибок было еще больше: их не счесть.

— Ну и головы,—говорит, бывало, Сергей Львович Экземплярский, молодой, нескладный и русский, как развороченный спон.—Ну и головы,—говорит, бывало, он, сидя вечером под лампой и вылавливая ошибки в тетрадях.—Учат, учат они исключения эти, и вот пожалуйста, «цвел» через „е“, и „звезды“ опять — таки через „е“.

И он густо подчеркивает синим карандашом несчастное слово. Ему совершенно ясно, что никакие цветы вселенной не могут цвести через „е“. И никакие звезды не могут светить через „е“.

В девятьсот пятом году престиж буквы ять был слегка поколеблен. Сергей Львович, как „любимый и чуткий наставник“, выступал на школьных собраниях, откидывая головой соломенную прядь волос, говорил о „начальствующих“, как о „нищих духом“. Случилось ему выступить в университете на большом митинге.

Круглая аудитория шумела и текла. Темная зеленая девических платьев, как хвойная поросль, толпилась у кафедры. Такая же поросль, только вино-красная, подступала к кафедре с боков: то были формы различных гимназий. На передних скамьях сидели серебропуговичные гимназисты, желтые пуговичные реалисты густо скопились позади, окнами же завладели электрические фуражки. В иных местах все это было перепутано.

Выждав свою очередь, Сергей Львович в штатском, в распахнутом пиджаке, полез на кафедру. Он снова сказал о „нищих духом“ и закончил так:

— Свобода, это,—прекрасная птица. Мы выпустили ее из клетки, но мы же должны и сберечь ее. Мы должны быть осторожны на словах и благоразумны в поступках.

При этой фразе, словно ветер опалухнул зеленую и красную поросль, шум пошел по чаще. И самые дальние пуговичи и фуражки поддерживали их смутным гулом. После Сергея Львовича выросла на кафедре девушка, словно елочка на пригорке.

Сергей Львович хорошо знал ее: она была его ученицей и сидела в шестом классе, справа у окна. Ее письменные работы поражали не женской, мальчишеской какой-то меткостью. Она попадала в основную мысль, как мальчишка в воробья. Косы она свертывала над ушами девически нежно. Выйди, она подняла маленькую руку с чернильным пятном на ладони. Стало очень тихо.

— Что же это, товарищи,—начала она тем же голосом, каким отвечала на уроках характеристикку Татьяны.—Предыдущий оратор (здесь она взглянула на Сергея Львовича, и он внутренне смутился, увидав ее на кафедре, а себя на скамье),—предыдущий оратор говорил нам об осторожности. Мы знаем, что это значит...

Она говорила еще довольно долго, но предыдущий оратор уже не слушал ее, он только смотрел. Он смотрел и не понимал, почему при взгляде на нее у него так необычайно билось сердце. Почему все в ней, даже чернильное пятно на ладони, вызывало в нем дрожь. Он смотрел на нее, не понимая, что это любовь. Он так и не узнал любви, как не узнал впоследствии революции.

Девятьсот пятый год кончился. „Нищие духом“ снова взяли верх. И настал час, когда вызванный на объяснение к главнейшему из „нищих духом“ Сергей Львович ощутил трепет и слабость. Амбирные стулья двинулись у него в глазах. Ветер событий начал гудеть над ним, и он, чтобы не упасть, ухватился за какой-то амбир. В минуту наиболее острого ужаса белая с золотом дверь распахнулась и белая с золотым перстнем рука пригласила войти.

Идя домой, Сергей Львович снова был спокоен: все было на прежнем месте и сам он был на прежнем месте. Все было благополучно. Однако, нечто... кое-что... Да, что это было?

Сергей Львович внезапно вспомнил. — Господин Экземплярский,—сказал ему „нищий духом“ и вынул часы из кармана.— Не думайте, что мне самому неведомы заблуждения юности. Я все изведаль, и все понимаю и, следовательно, все прощаю. Но (тут он завел часы и послушал ход) было бы желательно знать более подробно, кто же именно...

Дальше все было неясно, Сергею Львовичу трудно было припомнить, что же все-таки он ответил. Кто же все-таки произнес в амбирном кабинете фамилию белокурой девочки с чернильным пятном на ладони? И Сергей Львович, так и не вспомнив, продолжал жить дальше, не поняв теперь своей измены, как раньше не понял любви, и как впоследствии не понял революции.

Года текли удивительно быстро, удивительно равномерно. Покуда текли года, Сергей Львович попрежнему объяснял „ого“ и „аго“, попрежнему вместе с классом видал в придаточное предложение: главное шло мимо него. Фамилии белокурой девочки исчезла со страниц классных журналов, словно ее смело ветром событий.

Человек, захмелевший от первой же рюмки осени, сидит на скамье, на бульваре. Неподающему, упираясь открытым концом в бульвар, лежит тупик, где живет человек. Человек—все он, все прежний Экземплярский. Но былую юношескую угловатость сменила старческая костлявость, а мягкая пшеничная борода превратилась в седое колочье живые. Над Сергеем Львовичем пышно облетает клен, осенняя снь плывет над кленом, а над синью, пад всем—ощущенье неизвестно как ушедшей жизни.

— Моя жизнь, это настоящая биография,—говорит прохаживая гражданочка своему кавалеру.

— А какова же моя биография?—думает Сергей Львович, ищет и не находит ее.

— Нефть хороша только тогда,—говорит юноша девушке,—когда в ней не больше двух-трех процентов посторонних примесей. Посторонние всегда мешают.

— Ах, да,—отвечает девушка.

— В мое время,—думает Сергей Львович,—иначе говорили о любви. Впрочем, какое, собственно, время можно назвать моим?

Наступает вечер. Осенняя снь темнеет, наполняется звездами. Кленовые листья осыпаются с тихой пышностью. Сергей Львович решает идти домой. Дома—в тупике, в комнате—запах убогой старости. Но зато там покой. И есть еще радость: взять в соседней библиотеке хорошую старую книгу, каких теперь больше не пишут. Книгу, где описывается единственно возможная жизнь через ять.

Сергей Львович медленно поднимается и идет, стараясь полечче ступать на левую больную ногу. Старое склеротическое сердце с трудом глотает воздух.

— Будьте добры,—произносит женский голос,—простите, не можете вы мне сказать, где здесь улица Восстания? Знаю, что где-то близко, а не нахожу.

Сергей Львович радостно останавливается: спешить ему некуда. Женщина стройна, на ней пальто, сшитое по-мужски, мягкая мятая шляпа бросает тень на милые глаза.

— Рад бы вам услужить,—с одышкой говорит Сергей Львович,—но улицы Восстания я не знаю. Это вот бульвар, это Новиковская, а здесь Ложкин тупик. Здесь я живу уже очень давно. Такой улицы, как вы говорите, здесь нет.

— Обидно,—говорит женщина.—У кого бы узнать... Может быть, вы знаете, где здесь улица Восстания?—обращается она к мимо идущему юноше: это тот самый, который говорил о нефти.

— Улица Восстания? Да вы на ней стоите.

Сергей Львович качает головой:—Уверяю вас, вы ошибаетесь. Я живу здесь давно. Ложкин тупик это.

— Был тупик, а теперь улица. Да и не тупик он вовсе. Вы до конца доходили, там, где он за угол поворачивает?

— Нет,—отвечает Сергей Львович,—не случилось как-то.

— То-то же, не случилось. А там стену развалили, и старый дом снесли. Прочтите на табличке. Видите: „У-ли-ца Вос-ста-ния“.

— Не заметил я как-то,—тихо отвечает Сергей Львович так, что только он один слышит себя.— Не заметил...

В библиотеке очередь. Для хорошей книги не жаль времени, можно постоять в стойке. Да и спешить некуда: жизнь все равно ушла. Не жаль времени для хорошей книги о прошлой, единственно возможной, единственно подлинной жизни.

— Товарищ,—говорит библиотекарю паренек, плечи широкие, на правой руке нехватает одного пальца.—Дай-ка мне, товарищ... есть тут у вас книга одна... Как ее... не припомнишь сразу, прозвище у ее длинное. А наши ребята говорят хорошо, хороша, говорят, ребята. Стой-ка, вспомнил: „Десять дней, которые потрясли мир“. Вот ее самую и дай.

— Десять дней,—сам себе говорит Сергей Львович, и только он один слышит себя.—Тряхнули мир... А я и не заметил.

Вера Ийбер.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ, ПОДПИСАВШИХСЯ НА "ОГОНЕК" С ПРИЛОЖЕНИЕМ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАЯВКЕ.

Согласно условиям подписки на „ОГОНЕК“ с приложением полного собрания художественных сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО „по предварительной заявке“, все подписчики должны к 31-му декабря с. г. внести остальную причитающуюся сумму первого взноса.

Во избежание невысылки изданий, следует озаботиться переводом следующих по подписке очередных взносов.

Истительница. Анна Щенихина, стрелявшая в курьера советского полпреда в Париже, приговорена к двум годам заключения. Несмотря на ноту нашего полпреда в французском министерству с просьбой установить воз-

мездность на том основании, что поэт Есенин был женат на ней, не получив развода от своей прежней жены.

На снимке — Айседора Дункан и Сергей Есенин в Берлине у Бранденбургских ворот, зимой, 1923 г.

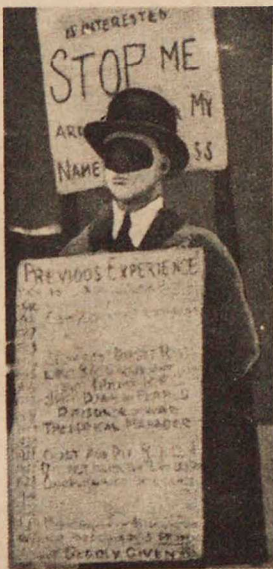
можных сообщников покушавшейся, французская юстиция таких не нашла. На «средства неизвестного происхождения» для защиты Щенихиной был нанят один из известнейших юристов Франции, выступавший раньше в процессе Шварцбарда (убийцы Петлюры) в качестве обвини-

Наследство Айседоры Дункан. Последнее завещание Айседоры Дункан внесено американским адвокатом Рехт в советский суд раньше, чем оно будет рассмотрено с уда и Парижа и Нью-Йорка. Завещание было составлено покойной танцовщицей еще при жизни поэта Есенина, ее мужа, перед тем, как она совершила перелет в качестве первого пассажира при открытии воздушной линии Москва—Берлин. Основной частью наследства Айседоры Дункан являются ее мемуары, которые будут издаваться в Нью-Йорке и за которые предполагают выручить 50.000 долларов. Ему оставлен также дом в Париже, который однако заложен. Наследником ее имущества по завещанию является ее муж, поэт Есенин, а в виду смерти последнего, наследство должно перейти к ее брату Августину Дункан, известному американскому актеру. После смерти А. Дункан в числе оставшихся после нее документов найден ее советский паспорт. Вероятно, иностранные суды будут оспаривать ее советское гра-

за громкое имя, устроили настоящее соревнование в получении только что законченного романа леди Асквит. В конце концов роман приобрел одной лондонской издательской фирмой за 100.000 р. на наши деньги. На снимке: удачливый автор романа леди Марго Асквит.

Безработные в масках. Разоружение Англии пока что выражается только в том, что часть бывших военных голодает и доходит до отчаяния в поисках заработка. На снимке изображен бывший английский военно-служащий. Не

найдя заработка, он вышел на улицу, надев на себя маску (даже буржуазным предпрасудкам) и большой плакат, на котором написано: «Прочти, если я тебе нужен, останови меня и дай мне работу», а ниже следует весь его послужной список.

«Тысяча и одна ночь» — избранные страницы из знаме-

нитого во всех странах мира сборника арабских сказок.

Последний символист. 5-го декабря в Ленинграде умер писатель Федор Сологуб. Он родился в бедной семье 17 февраля 1863 г. (отец его портной, мать — прислуга). Учился Сологуб в уездном училище и в учительском институте. Учителем в Новгородской губернии, затем в Петербурге. Литературную работу начал в «Северном Вестнике» в 1892 г., где печатал стихи и романы. В начале 900-х годов написал знаменитый в свое время роман «Медкий бес». Лирику его впопала полоса реакции девятидесятых годов. Увлекался Верленом он перевел его, в значительной степени используя верленовскую инструментовку и для своих стихов.

Октябрьской революции Федор Сологуб остался чужд, но и не участвовал в саботаже и возглавлял ленинградскую организацию советских писателей. Сологуб похоронен на Смоленском кладбище в Ленинграде, недалеко от могилы А. Блока. Помещаем снимок Ф. Сологуба (справа) и А. Блока.

По интересному содержанию и легкости изложения среди произведений народного эпоса вряд ли найдутся им равные.

Сказки «Тысяча и одна ночь» в изложении Ал. Дейча вышли и рассылаются с этим номером «Огонька».

Пьер Мак Орлан — современный французский писатель — в своих произведениях дает яркие образы авантюрного жанра, окрашенные едким сарказмом и антибуржуазными тенденциями. В книжке «Ночная Маргарита» автор в ху-

В следующем номере нашего журнала будут помещены статьи и очерки, посвященные работе ВЧК—ОГПУ за 10 лет.

Книжка рассылается с настоящим номером «Огонька».

М. ГОРЬКИЙ
В ПОРТРЕТАХ
И ФОТОГРАФИЯХ

ВРЯД ЛИ СУЩЕСТВУЕТ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

уголок, куда не проникли бы книжки Библиотеки «ОГОНЕК».

НЕЛЬЗЯ БЫТЬ КУЛЬТУРНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, если не читать современной русской и переводной литературы. Подавляющее большинство современных беллетристических книг не может проникнуть в гущу широких трудовых масс из-за своей сравнительной дороговизны.

НА ПОМОЩЬ МАССОВОМУ ТРУДОВОМУ ЧИТАТЕЛЮ приходит Библиотека «Огонек».

СЕМЬ МИЛЛИОНОВ ШИРОКО РАСПРОСТРАНЕННЫХ ПО ВСЕМУ СССР БЕЛЕПЬКИХ КНИЖЕЧЕК вышли и разошлись за короткий срок существования Библиотеки «Огонек».

В 1928 году в Библиотеке «ОГОНЕК», в числе прочих, выйдут книжки:

РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: А. Аросев, И. Бабель, А. Безыменский, В. Вересаев, Артем Веселый, Мих. Зощенко, А. Жаров, Вера Инбер, Мих. Кольцов, В. Лидин, Н. Липко, Мих. Пришвин, Л. Пилулин, Пантелеймон Романов, Бор. Пильняк, А. Свирский, Алексей Толстой, Иосиф Уткин и друг.

ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ: Бернард Шоу, Гете (Фауст), Виктор Гюго, Кнут Гамсун, Эмиль Золя, Панант Истрати, Уильям Локк, Поль Моран, Рабле, Жюль-Роман, Рода-Рода, Бишер-Стоу, Теккерей, Анатоль Франс, Шекспир (Гамлет) и др.

ТРИ ГОДА существует **БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»**, но миллионы читателей уже оценили и полюбили ее опрятные белые книжечки, увлекательные по содержанию и тщательно изданные.

Г. ГЕИНЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГАРИ

КАК МЫ УБИЛИ РАСПУТИНА*

Из мемуаров эмигранта Юсупова.

Согласно нашему плану, вел. князь Дмитрий Павлович, капитан Сухотин и доктор Лазоверт должны были инсценировать возвращение Распутина к себе домой на тот случай, если бы сыскавшая полиция проследила его поездку ко мне. Сухотин должен был переодеться в Распутинскую шубу и шапку и уехать на автомобиле Пуришкевича с вел. князем и доктором по направлению к Гороховой. Затем они должны были проехать на Варшавский вокзал для того, чтобы оставить там одежду Распутина в поезде Красного Креста, в вагоне Пуришкевича, и потом съехать ее. На вокзале предполагалось оставить и автомобиль. С вокзала они должны были взять извозчика до дворца вел. князя и тут пересесть в его закрытый автомобиль для возвращения на Мойку, чтобы отвести тело Распутина из моего дома на Петровский остров.

Мы попросили доктора, который правил автомобилем, ехать возможно быстрее и попытаться уничтожить первоначальные следы машины на снегу. Пуришкевич и я остались дома. В ожидании наших товарищей, мы говорили с ним о будущем нашей родины.

Мы ни минуты не могли предположить, что личные интересы, личные расчеты и жажда власти и популярности до такой степени затопчут чувство долга и любви к отечеству.

Смерть Распутина открывала безграничные возможности перед теми, кто обладал влиянием и властью, но ни один из них не пожелал или не был способен воспользоваться столь благоприятным моментом.

Посреди нашей беседы я был вдруг охвачен неслышной тревогой и настоячивым желанием сойти вниз в столовую.

Я спустился и отпер дверь.

Распутин лежал недвижимо. Но, прикоснувшись к нему, я убедился, что он еще теплый, пощупал пульс — он не бился; из раны стекали на каменный пол капли крови.

Это было страшное и отвратительное зрелище.

Не могу себе объяснить, почему я вдруг схватил его за обе руки и начал трясти изо всех сил. Тело приподнялось, затем склонилось на бок и упало на спину, приняв первоначальное положение, с безжизненно распростертыми членами. Я постоял над ним и собирался было уходить, когда мое внимание привлекло легкое трепетание левого века... Я нагнулся и принялся внимательно рассматривать лицо... Оно стало конвульсивно дергаться. Подергивания делались все сильнее и сильнее, и вдруг левый глаз наползину открылся. Спусти мгновение, задрожало и правое веко и также слегка приоткрылось. И тогда оба глаза... глаза Распутина, зеленые, змеиные, остановились на мне с выражением дьявольской ненависти.

Кровь застыла в моих жилах от невыразимого ужаса. Я окаменел... Хотел бежать, звать на помощь, но ноги отказывались служить, и я не мог издать ни звука.

Я стоял, пригвожденный к полу, как в кошмаре.

И случилось невероятное... Сильным движением Распутин вскочил на ноги, и комната наполнилась диким рычанием. Руки Распутина, конвульсивно сжатые в кулаки, били воздух... Он схватил меня за плечо и пытался повалить на пол.

Глаза его страшно скопились, изо рта шла пена, хриплым шепотом он повторял мое имя.

Не могу выразить слова страха, который овладел мною. Я пытался вырваться из его железных объятий, но он держал меня с невероятной силой. Между нами завязалась борьба.

Этот отравленный, расстрелянный, умирающий человек внушал мне чувство

ужаса, от которого я не могу избавиться до сих пор. В этот момент я постиг и почувствовал в полной мере силу Распутина. Казалось, что сам дьявол, воплощенный в этом мужике, держал меня в тисках, не желая выпустить.

Но я напряг все силы и вырвался.

Распутин застонал и упал навзничь, держа в руке мой пистолет, который он сорвал во время борьбы. Я посмотрел на старца; он лежал неподвижно, как снап, но потом опять зашевелился. Я кинулся наверх, призывая на помощь Пуришкевича.

— Скорее, скорее револьвер! Он жив... крикнул я.

Сам я был безоружен, так как вернул револьвер вел. князю Дмитрию Павловичу.

Я встретил Пуришкевича в дверях кабинета. Услыхав мой отчаянный крик, он спешил ко мне на помощь. Весть о том, что Распутин еще жив, поразила его. Он поспешно вынул револьвер из чехла. В этот момент я услышал позади себя шум. Сообразив, что это Распутин, я бросился в кабинет. Там, на письменном столе, лежала свинцовая палка, которую дал мне Маклаков „на случай, если понадобится“. Я схватил ее и кинулся вниз.

Распутин на четвереньках быстро поднимался вверх, отдуваясь и хрипя, как раненый зверь.

Собравшись с силами, он сделал последний скачок к двери, ведущей во двор.

Я был в полной уверенности, что дверь эта заперта на ключ уехавшими и что ключ у них, поэтому стоял на площадке, ничего не предпринимая, со свинцовой палкой, крепко зажатой в руке.

Но, к моему удивлению и ужасу, дверь отворилась, и Распутин исчез через нее в ночную тьму.

Пуришкевич бросился за ним. Раздались два выстрела, прозвучавшие по всему двору.

Я был вне себя при мысли, что он уйдет от нас, а потому бросился к парадному ходу и побежал по набережной Мойки по направлению ко двору, рассчитывая перехватить его, в случае, если Пуришкевичу не удастся это...

Во двор вели три ворот, и только средние из них были открыты. Я увидел через решетку, что Распутин инстинктивно направляется как раз к этим воротам. Раздался третий выстрел, затем четвертый...

Распутин зашатался и упал возле кучи снега.

Пуришкевич подбежал к нему, постоял над ним несколько секунд и, решив, вероятно, что на этот раз все кончено и Распутин убит, быстрыми шагами направился обратно в дом. Я окликнул его, но он не услышал. Осмотревшись вокруг себя и убедившись, что улица пуста, и что выстрелы не привлекли никакого внимания, я вошел во двор и подошел прямо к куче снега, где лежал Распутин.

Он не подавал признаков жизни. На левом виске зияла большая рана, которая, как я потом узнал, была нанесена Пуришкевичем.

В это время подошли люди с двух сторон: с улицы — городской, направившийся прямо к месту, где лежало тело Распутина, и двое из моих слуг — из дому. Все трое были встревожены выстрелами.

Я остановил городского по дороге и, разговаривая с ним, старался стоять лицом к снежной куче, чтобы заставить его повернуться к ней спиной.

— Ваше высочество, — сказал он, когда узнал меня, — я услышал стрельбу. Что случилось?

— Ничего серьезного, глупая история; у меня было несколько друзей. Один из них, немного подвыпивший, начал стрелять и шуметь; если кто спросит, что здесь такое — скажи, что все в порядке.

Разговаривая с ним, я шел по направлению к воротам и, выпроводив его, вер-

нулся к тому месту, где лежал Распутин. Мои слуги стояли тут же. Пуришкевич распорядился внести труп в дом. Я поспешил туда же, вошел в кабинет и позвал Пуришкевича, но его не было. Предсмертный шепот Распутина, повторявшего мое имя, звучал все время в моих ушах. Я пошел в столовую, чтобы напиться воды. Вбежал Пуришкевич.

— Вот вы где, а я вас всюду ищу! — воскликнул он.

Все плыло перед моими глазами, я готов был упасть. Пуришкевич схватил меня за руку и повел в кабинет.

Только что мы уехали, как вбежал слуга и доложил, что городской, с которым я разговаривал, хотел бы видеть меня. Оказалось, что выстрелы были услышаны в участке и что городскому были даны инструкции сделать вторичное донесение по телефону из моего дома, так как первые его объяснения не удовлетворили участковое начальство.

Увидав городского, Пуришкевич подбежал к нему, и, возвысив голос, сказал:

— Слыхал ли ты о Распутине? Этот человек предал родину, государя и наших солдат на фронте. Он продал нас Германии, понимаешь?

Полицейский оторопел от неожиданности.

— Знаешь ли, кто я такой? — продолжал Пуришкевич с воодушевлением. — Я Владимир Митрофанович Пуришкевич, член Государственной Думы. Выстрелами, которые ты слышал, убит Распутин и, если ты любишь дая и отечество, ты не должен проронить об этом ни слова.

Я был вне себя от этого разговора, но не было никакой возможности вмешаться и положить ему конец. Все случилось чересчур быстро и неожиданно. Пуришкевич же, казалось, был одержим какой-то нервной экзальтацией и, я думаю, сам не сознавал, что говорит.

Городской вышел. Пуришкевич победил за ним.

По их уходе мне доложили, что останки Распутина были перенесены в столовую и положены у лестницы. Я плохо себя чувствовал, еле передвигал ноги, кружилась голова... Но я сделал над собой усилие и, взяв машинально лежавшую на столе свинцовую палку, направился из кабинета вниз.

Тело Распутина лежало у лестницы, кровь свободно лилась из многочисленных ран. Висевшая на верхней площадке лампа освещала его голову и рельефно выделяла обезображенное, залитое кровью лицо.

Мной овладел какой-то приступ иступления. Бросившись к телу, я стал колотить его свинцовой палкой, куда попало.

Пуришкевич рассказывал впоследствии, что это зрелище было настолько потрясающее, что ему никогда не забыть его... Я потерял сознание.

В это время подошли вел. князь Дмитрий Павлович, Сухотин и доктор Лазоверт. Услыхав от Пуришкевича о случившемся со мной обмороке, они решили оставить меня в покоях. Завернутое в холст тело Распутина было положено ими в закрытый автомобиль вел. князя, отвезено на Петровский остров и сброшено с Петровского моста в воду.

Придя в сознание, я чувствовал себя так, словно очнулся после тяжелой болезни. Я с помощью слуги принялся стирать пятна крови, которые могли бы выдать нас.

Когда в доме все, могущее служить уликами, было уничтожено, я пошел во двор с целью принять и там все меры предосторожности. Надо было бы подготовиться к какой-нибудь объяснению стрельбе. Мой план был прост: я решил сказать, что при разезде один из моих гостей, находясь под влиянием винных паров, пустил пулю в собаку.

* См. предыдущий номер журнала „Огонек“.

ПО ПРОСЕЛОЧНЫМ ДОРОГАМ

Фото-этиюд С. А. Красинского.

Для выполнения этого плана слуга отвел одну из моих собак во внутренний двор во флигель и там застрелил ее; затем прихлопнул тело по следам, оставленным телом Распутина, дабы предотвратить всякую возможность исследования крови убитого, и бросил ее на кучу снега, где еще так недавно лежал убитый старец. Снег мы посыпали камфарой, с целью парализовать работу ищущих, в случае, если бы они были вызваны.

Было около пяти часов утра, когда я, наконец, покинул свой дом и отправился во дворец вел. князя Александра Михайловича.

Я застал там брата моей жены, князя Федора Александровича. Он, оказывается, еще не ложился, ожидал меня.

— Слава богу, что ты, наконец, пришел. Что случилось?—спросил он.

— Распутин убит, больше ничего не могу сказать, так как слишком устал,— ответил я.

Предвидя, что на следующее утро меня могут привлечь к допросу и принять против меня какие-нибудь меры, я решил, что мне понадобятся все мои силы, а потому лег и тотчас погрузился в глубокий сон.

...

Я проспал до десяти часов утра.

Едва я открыл глаза, как доложили, что меня хочет видеть по очень важному делу полицеймейстер Казанской части, генерал Григорьев. Я поспешил встать, оделся и пошел в кабинет, где ожидал Григорьев.

— Ваш визит, сказал я, вызван, должно быть, стрельбой, которая была слышна вчера во дворе моего дома.

— Совершенно верно, я пришел узнать от вас, из первых рук, все подробности происшествия. Не был ли Распутин вашим гостем вчера вечером?

— Распутин? Он никогда не бывал у меня,—отвечал я.

— Однако, выстрелы, раздававшиеся в вашем дворе, имеют связь с его исчезновением, и градоначальник приказал сделать

немедленное расследование того, что произошло у вас прошлой ночью.

Эта ассоциация выстрелов с исчезновением Распутина предвещала серьезные осложнения. Мне предстояло взвешивать и обдумывать каждое слово, прежде чем отвечать на предлагаемые вопросы.

Передав версию о собаке, я закончил свои показания следующим образом:

— Я искренно надеюсь, что все скоро выяснится к общему удовольствию, и если правда, что Распутин пропал, то его исчезновение не будет ставиться в связь с выстрелами на моем дворе.

— Чрезвычайно вам благодарен, князь, за данные сведения,—сказал генерал.—Я еду сейчас к градоначальнику с рапортом обо всем, сообщенном вами. Ваше объяснение вполне разъясняет происшествие и освобождает вас совершенно от дальнейших неприятностей какого бы то ни было рода.

Я просил генерала Григорьева передать градоначальнику, что желал бы видеть его, и прошу назначить мне час приема.

Только он уехал, меня позвали к телефону. Это была одна из ярых поклонниц Распутина.

— Скажите же, ради бога, где Григорий Ефимович? Что вы с ним сделали? Говорят, что он убит в вашем доме и что убийца—вы.

Я сделал попытку успокоить ее и повторил в точности слово в слово придуманную мною версию.

— О, как это ужасно! И императрица, и Аня уверены, что он убит в эту ночь, и что это сделано в вашем доме и вашими руками...

...

Генерал Балк, градоначальник, сообщил мне, что примет меня немедленно.

Войдя в управление градоначальства, я застал служащих в великом смятении. Генерал сидел за письменным столом в своем кабинете и имел крайне измученный вид.

Я сказал, что пришел с целью выяснить недоразумение, возникшее по поводу слов

Пуришкевича, присовокупив, что поторопился сделать это, не желая терять времени на допросы и другие формальности, имея в виду выехать в тот же вечер к семье в Крым.

Он ответил, что объяснение, данное мною генералу Григорьеву, вполне удовлетворительно, и что он, со своей стороны, не видит никаких препятствий к моему отъезду в Крым, но должен сообщить мне, что императрица Александра Федоровна приказала произвести обыск в моем доме на Мойке в виду распространившихся слухов о том, что почал стрельба в моем дворе и исчезновение Распутина имеют несомненную связь.

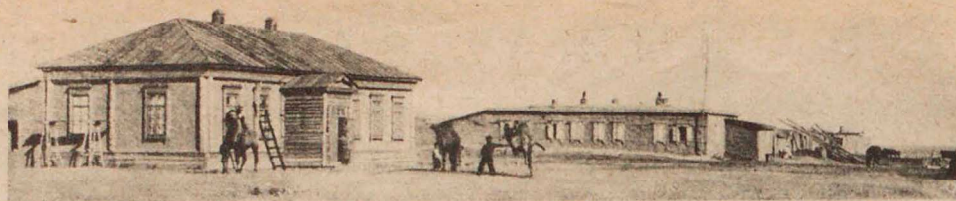
— Моя жена—племянница государя,—возразил я.—А члены императорского дома и занимаемые ими помещения неприкосновенны, и меры против них могут быть применены только по приказанию самого императора.

Градоначальник согласился с моими доводами и дал тут же по телефону распоряжение отменить обыск. Эта удача окрылила меня.

Я отправился завтракать к вел. князю Димитрию Павловичу, который рассказал мне в общих чертах, как они поступили с телом Распутина.

По возвращении на Мойку в закрытом автомобиле, я впал в бессознательное состояние. В таком виде меня застал вел. князь. Первой его мыслью было остаться со мной, но время не ждало: близился рассвет, и надо было торопиться. Тело Распутина было туго-натуго завернуто в парусину, перевязано веревками и положено в автомобиль, которым управлял вел. князь. Сухотин сел рядом с ним снаружи, а Пуришкевич, доктор Лазоверт и мой лакей—внутри. Достигнув Петровского моста, автомобиль остановился. Из боязни, что шум мотора и сильный свет фонарей может привлечь внимание часового, стоявшего недалеко, вел. князь потащил огни.

Окончание следует.

„КОРАБЛИ ПУСТЫНИ“

Очерк и снимки З. Чеботая.

Когда попадаешь в степь, какое-то особенное чувство простора наполняет грудь, и охватывает неудержимое стремление быстро мчаться, именно мчаться вперед, туда, где в синей дымке дали небо сходится с землей. До боли напрягается взгляд, силась найти что-либо отрадное на этой плоской, как стол, серо-коричневой равнине. И хочется сразу охватить и понять затанцованную жизнь степи. Но уныло-однообразен степной простор. Выжженная солнцем, пылью пропитанная степь молчит. Только где-то вдали—чуть заметная одинокая землянка скотовода-киргиза да точками рассеянные фигуры пасущихся животных говорят, что и в этом земном уголке есть какая-то жизнь, но своя, обособленная и лишь шири степной свойственная жизнь. Кажется, сотни верст скачи—не доскачешь до культурного центра. Но здесь живут люди. И здесь делается часть того большого дела, которым охвачена вся страна Советов.

Два типа верблюдов — двугорбый и „пар“.

Вот аул Айжен в Астраханских степях Казакстана. Это, собственно, и не аул, а так, одна большая землянка, сделанная из самана (кирпич из глины и соломы, высушенный на солнце) да один, такой

имеет и другое название — „Букеевский опытный рассадник верблюдов“. На первый взгляд кажется странным и ненужным его существование. И без него благополучно живут и множатся верблюжьи стада. В степи тут и там видны безобразные, длинноногие фигуры с горбами на спине. Много их. Но поговорите с заведующим рассадником, ветеринарным врачом и зоотехником Н. А. Сычевым, и уже в другом свете предстанет перед вами эта загогулина и необходимость ее разведения.

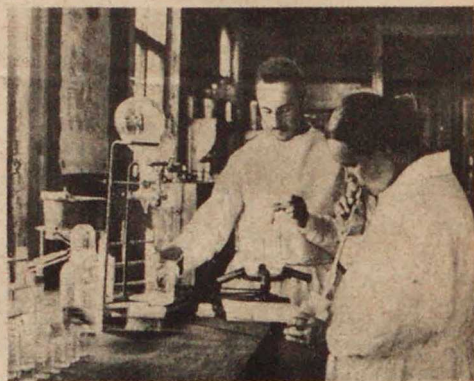
Увлекался и пересыпая свою речь цифрами, т. Сычев расскажет вам о значении верблюдоводства для промышленности страны и бюджета.

— Верблюд, этот „корабль пустыни“, — говорит т. Сычев, — незаменим для местного населения. Он очень силен, обладает большой рабочей долговечностью, быстрым и ровным шагом и крайне неприхотлив. Он легко переносит недостаток воды и отсутствие хороших кормовых трав. В сельском хозяй-

стве верблюд начинает конкурировать с лошастью даже и не в степной полосе, как, например, в Саратовской, Самарской и Сталинградской губерниях. В 1916 году в Казакстане насчитывалось 504.344 верблюда. За годы войны и голода — их численность уменьшилась вдвое. Теперь же цифра их вновь растет, хотя

и не быстро, в силу природной замедленности размножения. Шерсть верблюда занимает весьма почетное место как в бюджете, так и в текстильном производстве. В 1925 г. по Казакстану было со-

шерсть верблюда почти в три раза дороже овечьей. Шерсть верблюжья — грубая — идет на приводные ремни, технические сукна,

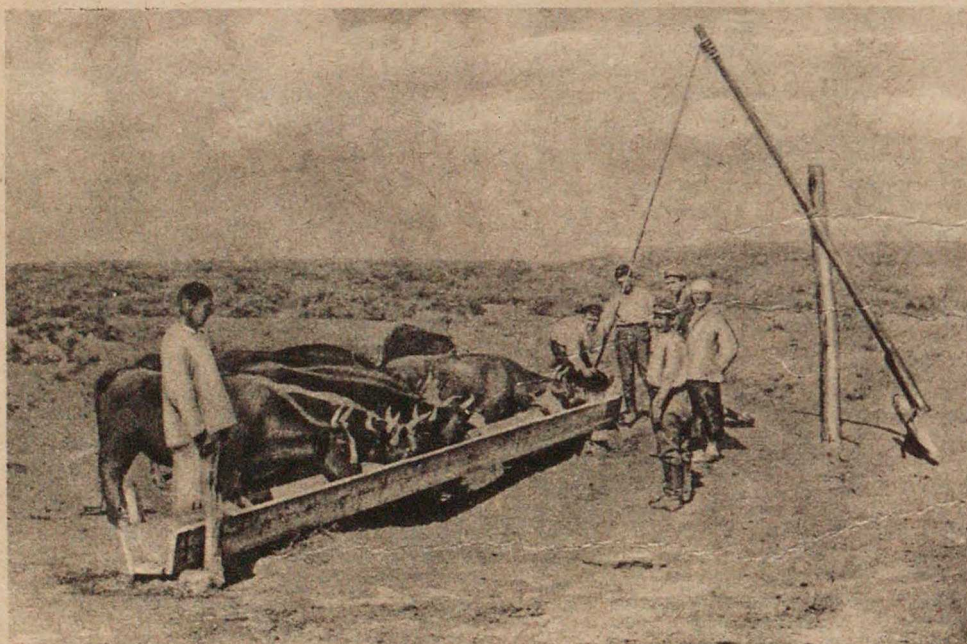
За исследованием верблюжьего молока в лаборатории Букеевского рассадника верблюдов.

маслобоянные салфетки и пр. Лучшая шерсть — „талякча“, — собираемая с молодняка, идет на лучшие тонкие сукна. С гулевого верблюжонка собирается „талякчу“ 2—2½ кило, взрослого — 5—6 кило грубой шерсти. И не только шерстью ценен верблюд, он ценен еще и своими прекрасными шубными качествами; его шкура — теплая и легкая. А чрезвычайно обильное молочным сахаром и жиром молоко при удое в одно ведро и продолжительности молочного периода у самки в 15 месяцев — может и должно сыграть свою роль в медицинской и пищевой промышленности. В связи с угрозой новой войны вопрос о суррогате жиров становится острым вопросом. Молоко верблюда в 2 раза жирнее коровьего, но верблюжье масло в силу своей „салистости“ распространения пока не имеет.

— Букеевский рассадник — единственный в СССР. Он открыт в 1926 году по договору Наркомзема Казакской ССР и Саратовской областной с.-х. опытной станции и занят изучением рабочей способности верблюда и ценности его шерсти и молока. Соответствующим питанием, скрещиванием и уходом нам уже удалось значительно улучшить качество верблюжьего молока. Но вопрос практического верблюдоводства упирается в крайнюю некультурность местного населения. Связь с ближайшим населенным пунктом — Ханской ставкой — трудна из-за расстояния. С питанием людей и вовсе плохо: приходится каждую мелочь везти из ставки, в которой и самой-то трудно что-либо достать. Здесь нас, работников рассадника, четверо: лаборант, счетовод, завхоз и я. Надоели мы друг другу до зеленой доски, и если бы не работа — разбежались бы.

В голову настойчиво лезет картина: Ночь. Темнота. Снежной пеленой покрыта безбрежная степь. Где-то заунывно плачут о своем одиночестве волки. Ветер их песни разносит, и сам песни поет, монотонные, жуткие песни. Желтым квадратиком мерцает во тьме одинокое окошко русского дома. А в нем четыре человека, больше всего уставшие друг от друга, в исключительно тяжелых и безрадостных условиях делают большое дело — дело новой культуры в тысячелетней степи Чингиз-хана.

З. Чеботая.

Водоний скота в Астраханских степях.

чуждый степи, русский деревянный дом. От землянки идут сплошные саманные стены скотного двора. Вот и все. Но Айжен

брано овечьей ордовой шерсти 4563,4 тонны при общем ее сборе 9540,4 т., а верблюжьей — 1564,8 т. при сборе в 9540,4 т.

НА ЛЫЖАХ ЗА ГОРОД!

По первому снегу.

Массовка лыжников.
Фот. В. Д. Краспской.

Редактор **М. И. КОЛЬЦОВ**. Издатель — **АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Неприятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника воспрещается. **РЕДАКЦИЯ** — Москва 6, Страстной бульв., 11. Тел. 2-96-12; **ГЛАВНАЯ КОПИТОРА** — Москва 6, Страстной бульв., 11. Тел. 35-75 и 3-12-56. **Отд. Распростр.** — 5-51-69. **Почтовая экспедиция** — 1-35-28. **Московская Контора** — 1-28-19 и 1-28-20. **Рекламный отд.** — 3-91-48. **Бюро многогородных объявлений** — 3-91-48. Адрес для телеграмм: Москва Огонек. **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ** — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. **ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ**: 1 стр. — 1800 р., строка непарелл. — 3 руб. Сверх тарифа — 10% налога. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА** на 1928-й г.: „ОГОНЕК“ 1-й абон. с приложением полн. собр. худож. соч. Л. Н. Толстого (24 книги): на 1 год — 13 р. 50 к. **РАССРОЧКА**: при подп. 4 р., к 1 марта — 3 р. 50 к., к 1 мая — 3 р., к 1 июля — 3 р. „ОГОНЕК“ 2-й абон. с прил. Библиотеки „Огонек“ (2 кн. в нед.): 1 м. — 1 р. 40 к., 3 мес. — 3 р. 75 к., 6 мес. — 7 р., 1 год — 13 р. 50 к. „ОГОНЕК“ 3-й абон. с приложением полн. собр. худож. соч. Л. Н. Толстого (по 2 кн. в мес.) и 104 книжек Библ. „Огонек“ (по 2 кн. в нед.) — 1 год — 22 р. **РАССРОЧКА**: при подп. — 6 р., к 1 марта — 5 р., к 1 мая — 5 р., к 1 июля — 5 р. **ЗА ГРАНИЦУ**: „ОГОНЕК“ 1-й абон. — 9 долл.; 2-й абон. — 1 мес. — 90 цент., 3 м. — 2 д. 40 ц., 6 м. — 4 д. 60 ц., 1 год — 9 долл.; „ОГОНЕК“ 3-й абон. — 14 долл.; „ОГОНЕК“ без прилож. — 1 м. — 30 ц., 3 м. — 90 ц., 6 м. — 1 д. 75 ц., 1 год — 3 д. 30 ц. Отдельный № „ОГОНЬКА“ — 8 цент.

Вестник Знания

Редактор академик
проф. В. М. БЕХТЕРЕВ

ПОДПИСАВШИЕСЯ НА 1928 ГОД ПОЛУЧАТ ЗА 6 РУБ.:

(Расчетка: при подп. 3 р. и к 15 июля 3 р., или при подп. 2 р., к 15 апреля 2 р., к 15 авг. 2 р.)

24 КНИГИ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА
НАУКА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО, ТЕХНИКА.

КРОМЕ ТОГО можно подписываться на журнал
„Вестник Знания“ с приложениями:

АБОНЕМЕНТ 1-ый: ЗА ГОД **12** руб. с перес. РАССРОЧКА ОТ 3 руб.

24 КНИГИ ПОПУЛ.-НАУЧНОГО ИЛЛЮСТ. ЖУРН. **Вестник Знания.**

12 КНИГ КАПИТАЛЬН. СОЧИН. **ВСЕЛЕННАЯ и ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.**
1000 страниц текста
Редакторы отд.: проф. А. А. Борисьяк, проф. Б. П. Вейнберг, проф. Г. Г. Генкель, проф. Н. А. Морозов, проф. П. П. Сушинский, проф. Г. Г. Шенберг, — под общ. редакцией акад. В. М. Бехтерева.

Свыше 200 фотографий и рисунков облегчают усвоение богатого содержания этой блестящей энциклопедии знаний о природе и человеке, охватывающей все главные достижения человеческого гения в его борьбе с природой.

12 КНИГ КОЛЛЕКТИВН. ТРУДА И ТОГИ НАУКИ
ВЫДАЮЩ. УЧЕНЫХ

под редакцией проф. акад. В. М. БЕХТЕРЕВА, Б. П. ВЕЙНБЕРГА, Г. Г. ГЕНКЕЛЯ, С. П. ГЛАЗЕНАПА, В. С. ГРУЗДЕВА, С. О. ГРУЗЕНБЕРГА, акад. Ф. Ю. ЛЕВИНСОН-ЛЕСНИН, О. Д. ХВОЛЬСОНА, И. Ю. ШМИДА.

АБОНЕМЕНТ 2-ой: ЗА ГОД **12** руб. с перес. РАССРОЧКА ОТ 3 руб.

24 КНИГИ ПОПУЛ.-НАУЧНОГО ИЛЛЮСТ. ЖУРН. **Вестник Знания.**

12 КНИГ НОВЕЙШ. ПУТЕШЕСТ. ПРИРОДА и ЛЮДИ
ПОД ОБЩ. ЗАГЛАВ.

При участии: проф. Ю. Н. ВОРОНОВА, путеш. акад. П. К. КОЗЛОВА, Л. А. КУЛИКА, Д. А. ЛУХМАНОВА, Ф. НАНСЕНА, акад. А. Е. ФЕРСМАНА, проф. П. Ю. ШМИДА. — Массы иллюстраций.

12 КНИГ РОСКОШН. ИЗДАНИЯ НАРОДЫ МИРА
СВЫШЕ 500 фот. и рис.

под редакцией Я. П. РУДНЕВА.

АБОНЕМЕНТ 3-й: ЗА ГОД **12** руб. с пересылкой. БЕЗ РАССРОЧКИ.

24 КНИГИ ПОПУЛ.-НАУЧНОГО ИЛЛЮСТ. ЖУРН. **Вестник Знания.**

12 КНИГ вполне законч. больш. ЭНЦИКЛОП. СЛОВАРЯ
фор. от Адо Я. Новейш.

Свыше 3.000 ст. текста, более 2.500 клише и красочн. таблиц. Желающие получить в переплетах доплачивают два рубля. Все 12 книг Словаря высылаются полностью при первых №№ „Вестн. Зн.“.

СВЕРХ ТОГО каждый из подписчиков может получить при журнале „Вестн. Знания“ по своему выбору любое приложение, но не одинаковое, за плату, а именно: „Вселенная и Человечество“ за 4 руб., „Итоги Науки“ за 3 руб., „Природа и Люди“ за 4 руб., „Народы Мира“ за 3 руб.

Подписные деньги адресовать Гл. Конторе Изд. на „П. П. СОЙКИН“, Ленинград, 25, Стремянная, 8.

КНИГИ ПО ФИЗИКУЛЬТУРЕ

ФИЗИКУЛЬТУРА в НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ОБЪЯСНЕНИИ.
IV Сборник трудов Государств. Центр. Инст. Физ. и Культ. Наркоздрав. в Москве, под ред. ректора А. А. Зингуиды и проф. В. В. Горьковского, с предисловием Н. А. Семашко. 228 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Г. А. Дюперрон. 75 уроков гимнастики для 1-го обучения. Пред. проф. В. В. Горьковского. 2 изд. С 22 рис. 232 стр. Цена 1 р. 30 к. Книга включена в рекомендованный список книг для библиотек РККА, а также в список книг, рекомендуемых для рабочих библиотек.

Г. А. Дюперрон. 80 уроков гимнастики для 2-го года обучения. Пред. Б. А. Мальцова. С 28 рис. 240 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Б. Бессан. Игры для уроков физической культуры. Описание 168 игр. 3 изд. С 27 рис. 112 стр. Ц. 75 к.

Г. А. Дюперрон. Теория физической культуры. 2 значит. доп. изд. Часть I. Основные понятия. С 44 рис. 212 стр. Ц. 1 р. 50 к. Часть II. Систематика. С 36 рис. 288 стр. Ц. 1 р. 90 к. Часть III. Практическое применение физических упражнений. С 26 рис. 100 стр. Ц. 70 к.

Дж. Мак Керри. Физическое воспитание. Современные научные данные из области физических упражнений в американских школах и университетах. Предисл. проф. А. Ф. Сулимо-Самойло. С 11 рис. 308 стр. Ц. 2 р. 50 к.

И. Мюллер. Пять минут в день. Предисл. проф. В. В. Горьковского. С 46 рис. и 4 табл. 6 изд. 112 стр. Ц. 80 к.

И. Мюллер. Моя система дыхательных упражнений. Пред. и ред. Г. А. Дюперрона. 2 изд. С 44 рис. 128 стр. Ц. 90 к.

Норри Эбер. Спорт против физкультуры. Ред. Г. А. Дюперрона. 100 стр. Ц. 55 к.

Д-р И. Сарнизов-Серазини. Спутник туриста. 72 стр. Ц. 40 к.

Я. В. Штангль. Пирамиды для массовых выступлений физкультурников. Под ред. В. В. Соколова. С 123 рис. 272 стр. Ц. 2 р. 25 к.

М. А. Яковлев. Тяжелая атлетика. Руководство по гимнастике гирь тяжелого веса. Под ред. с пред. д-ра М. И. Непомнящего. С 48 рис. 108 стр. Ц. 1 р.

Книги высылаются налож. платежом без задатка. Выписки на сумму не менее 3 р., а также присланные деньги вперед, за пересылку не платят. Просьбы с отзывами печати высыла. по требованию БЕСПЛАТНО.

Заказы адресовать: Ленинград 25, Троицкая ул. 4, кв. 3/8. Кооперативному Издательству „ВРЕМЯ“.

ВСЕ КНИГИ

ВЫСЛ. НАЛОЖ.
ПЛАТЕЖОМ.
Цены без пересылки.

Дрекслер. Как предохранить себя от беременности, не прибегая к аборту. Ц. 1 р. 20 к. с перес. 1 р. 50 к.
Д-р Яковсон. Половая холодность женщины. Ц. 2 р. 25 к.
Д-р Мармелад. — Врач. косметика и леч. волос. Маникюр. Непикюр. Массаж (общ. и местн.). Леч. недост. кожи лица и др. дефектов тела, с указ. рецептов. Ц. 3 р. А. Х. Сабинин. — Проституция. Сифилис и венерические болезни. Ц. 1 р. 50 к.
Целительские силы организма. Лечение болезней органов-препаратов (вытяжки из орган. животных). Ц. 1 р. с перес. 1 р. 40 к.
Натури. — Первый худож. АЛЬБОМ-УЧЕБНИК шитья дамск. и мужск. платья, с 320 рис. на огл. лист. Ц. 3 р. 50 к.
П. П. Успенский. — Комнатные растения. Ц. 1 р.
Симонов. — Колбасы, прованс., в 2 том. с раскр. табл., в м. 7 р. 50 к.
Ц. 4 р. Дружинин. — Простые, туалет. и медиц. мыл, с указан. рецептов. Ц. 50 к.

12.000 назван. каталог книг высл. за 30 к. почт. марк. ПРИ ЗАКАЗЕ БЕСПЛАТНО.

Заказы и деньги направлять: Ленинград, Пр. Володарского, 59-У. „НАУКА и ЗНАНИЕ“

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

изящное украшен.
ФОТО-ЭМАЛЕВЫЕ
портр. на булавках и брош. больш. разм. из американск. зол. 1 штука 2 руб. 50 коп., 2 шт. 4 р., кажд. послед. по 1 р., в красках натуральн. на 1 р. дороже. По получ. фотогр. карт. заказ выполн. немедленно налож. плат. Фотогр. воар. в сохран. МОСКВА, Почтамт, почт. ящ. № 784

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками. Сборник. Краткое содержание: Грабители и бандиты. Убийцы. Рецидивисты. Воры. Мошенники. Самогонщики. Криминальн. психопаты. „Дети - преступники“. Татуировка в местах заключения. Цена 2 р. 50 коп. Заказы направлять: Кооперат. издат. „ПРАВО и ЖИЗНЬ“. МОСКВА 34, ул. Кропоткина 17/1. При высылке денег или марок вперед пересылка бесплатно.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ТЕХНИКЕ и МЕДИЦИНЕ:

А. Добрянов. Основы столярного дела 5 р. 75 к., в пер. С. Ветовина. Дома облегченных конструкций 3 р. 50 к. Н. Ерофеев. Паровоз, как он устроен и как он работает — 2 р. 70 к. Сууп. Практ. школа электро-техники 3 т. — 6 р. 85 к. Ловин и Барсуков. Современ. американ. электрич. станции. — 13 р. 59 к., в перепл. Боргман. Фреденталь. Хромы дублен. — 5 р. Поварин. Выделка кожи — 1 р. В. Вальгис. Сборник технико-химических рецептов — 6 р. 40 к. Б. Евдокимов. Практическая фотография — 3 р. Г. Штерль. Фотографическ. справочник — 2 р. 10 к. С. Швайцер. Борьба с туберкул. — 3 р. 50 к. Губарев и Селюцкий. А также ЛЮБУЮ КНИГУ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ по медицине и технике, имеющуюся на книжном рынке. Книги высл. нал. плат. Заказы и деньги направлять: Бюро Книжных заказов Гос. Конторы „ТРАНСРЕКЛАМ“, Москва, Политехническ. музей, пом. 123/0. При высл. денег вперед перес. бесплатно.

АВГУСТ ФОРЕЛЬ ГИПНОЗ или ВНУШЕНИЕ

Перевод с 12-го немецкого изд. Цена 3 р. Высл. налож. плат. Из-во „ОБРАЗОВАНИЕ“ Ленинград, ул. Пестеля, 12.

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную по технике, медицине, сельскохозяйственному и др. вопросам.

УЧЕБНИКИ для ВСЕХ УЧЕБ. ЗАВЕДЕНИЙ.

Высл. немед. налож. плат. Каталог по техн., математ., химии, счетоводству и др. БЕСПЛАТНО. Книжная торговля А. Г. Алексеева. Москва, Центральный рын. № 767/0.

ПРОИЗВОДСТВО МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОЛОВИНА ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные гармонич. БАЯНЫ и ПОЛУБАЯНЫ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ. Требуется прейс-кур. за две 8-коп. марки, влож. в конверт. Москва, Арбат, д. 55/0.

СЧЕТ-ВО БЕЗ КНИГ.

Вышла из печати новая книга К. И. ПЕТРОВА (под редакц. проф. Загурского): „Организация и техника бескнижного учета в торговых предприятиях“. Труд К. И. Петрова — крупного практического счетного работника, впервые поставившего у нас вопрос о бескнижном учете, посвящен детальному разбору постановки и ведения счетоводства без книг и должен поэтому представить большой интерес для каждого бухгалтера, стремящегося к рационализации счетоводства, и вообще для каждого изучающего вопросы о новых формах бухгалтерского учета. Цена книги 1 р. 40 к. Высылается наложенным платежом. Заказы направлять: Ленинград, 14, пр. Володарского, 58. Книжному делу „ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ“.

КАЗИМИ КРЕМ МЕТАМОРФОЗА

ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ ВЕСНУШЕК и ДРУГИХ НЕДОСТАТКОВ КОЖИ ЛИЦА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

на ежемесячный домашне-хозяйственный и модный богато иллюстрированный

„ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“.

Программа журнала рассчитана на обслуживание всех домашне-хозяйственных и культурных нужд современной женщины.

К каждому номеру журнала прилагаются: 1) Выкройки, 2) Контурные листы и 3) «Детский Уголок».

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—10 р., на полгода—5 р. 50 к., на 3 мес.—3 р.

Допускается рассрочка годовой платы: при подписке—4 р., к 1 апреля и к 1 июня—по 3 р.

Годовые и полугодовые подписчики, внесшие подписную плату сразу полностью, получают БЕСПЛАТНЫЕ ПРЕМИИ: ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 1) Большую научно-популярную книгу в 300 страниц, необходимую каждой женщине: «ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ». (В отдельной продаже книга будет стоить 2 р. 50 к.). 2) 10 новых книжек «БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК» (новейшие художественные произведения русских и иностранных авторов).

ПОЛУГОВОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 10 новых книжек «БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК».

Дальнейшие льготы, предоставл. подписчикам „ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА“:

1. «АЛБОМ РУКОДЕЛИЙ» (вышивки, вязание, плетения и пр.), стоящий в отдельной продаже 2 р. 50 к., подписчики могут получить за доплату в 1 рубль.

2. «КУЛИНАРНУЮ КНИГУ» подписчики могут получить за доплату в 1 рубль.

3. Подписчики «Женского Журнала» могут подписаться одновременно и на журнал «Огонек» на 1928 год с приложением ПОЛНОГО СОБРАНИЯ художественных сочинений ЛЬВА ТОЛСТОГО в 24-х книгах по льготной цене: вместо 13 р. 50 к.—за 12 р. 50 к. Таким образом, за годовую подписку на «Женский Журнал», «Огонек» и Полное Собрание Сочинений Л. Н. Толстого подписчики уплачивают всего 22 р. 50 к. (Допускается рассрочка: при подписке—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая—4 р. 50 к., к 1 июля и 1 сентября—по 4 р.).

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва 6, Страстной бул., 11, Акционерному Издательскому О-ву „ОГОНЕК“.

Подписка принимается также повсеместно на почте, у местных контрагентов в отделениях центральных издательств и во всех киосках Контрагентства Печати

8000

Вы можете изучать
у себя дома в любое время не отрываясь от вашей повседневной работы,
следующие

1917 „ПОЛИГЛОТ“ 1927

ЗАОЧНЫЕ Промыш.-эконом. и художеств.-тех- нические курсы „ПОЛИГЛОТ“

После окончания курса учащиеся подвергаются испытанию в спец. квалификац. комиссии и получают соответствующее свидетельство.

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ПРОСПЕКТ И УСЛОВИЯ

Адрес: РОСТОВ н/ДОНУ

Плата помесечно от 1 до 3 рублей.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЦЕНЫ И КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ

Балалайки

5.50, 7.25, 9.30
и 12 р.

Гитары

15.50, 19, 22.50
26.50 и 30 р.

Мандолины

15, 19, 22, 25 р.

ГАРМОНИИ

32, 50, 60, 75,
85 и дороже.

ТРЕБУЙТЕ СМЕТЫ
НА СТРУННЫЕ
ОРКЕСТРЫ.

Треб за две 8-и.
марки, влож. в он-
верт, поли. иллю-
стр. пр.-ур. с бес-
платн. прил. „Мото-
рин муз. инстр.“,
их прошлое и совр.
значен. пр.-доц.
С. Чеботанова, и
стен. табель-а-
лendarь.

БЮРО ПОЧТОВО-ПОСЫЛКИ МОСКВА ПОКРОВСКА 16/32 ПОЧТ. ЯЩ. 994

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ

КЛУБНЫЕ ИГРЫ

ШАХМАТЫ—1.50, 2.50,

3.75, 5, 7 и 10 руб. Доски

шахматные—2, 2.50, 3 и 5 р.

ШАШКИ—45 к. и 60 к.

Доски картон.—45 к. шт.

ДОМИНО—1.20, 1.50, 2.50

и 3.75. ЛОТО 2.50, 4 и 7 р.

СПОРТ

Лыжи—15, 16, 18 и 20 р.

Палки—2.50 (лыжи отпр.

багажом), Пьексы—12 р.

Коньки „Англ. Спорт“—

12.50, коньки (типа) Нор-

вежск. ботинки 32 р. Обувь

для конькобежц. Зимний

трикотаж. Хокей.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

Самовары никелированные,

банкой—25, 30, 35 р. шт., ром-

кой—30, 35, 40 р. шт. Примус—

8.50, Иеросиновая кухня (ти-

па Герц, с двумя фитилями)—

13.50 штука. Портфели кожан-

ные от 12—30 р. Бритвы за-

граничные 12, 15 и 20 р.

Бритвы безопасные—5, 6.50

и дороже. Бритвенные прибо-

ры (никелевые) 5 и 7.50.

ЧАСЫ-ХОДИКИ 5.50, 6.

РАДИО

Стандартные посылки (ра-

диоприменник с монтажн.

материалом) 35, 40, 60 и 65 р.

Задаток 25%, остальное

наложенным платежом.

Иллюстрированный репо-курнт:

музыка, спорт, фотография, нац.

принадлежности, нарядные часы,

хозяйственный отдел, радио, ира-

ски для материн, кожаные ту-

журки и пр. высылают за 2 вось-

ми-копеечные марки. Москва, Гл.

Почтамт, ящ. 1031.

ПОЧТОВО-ПОСЫЛЧНОЕ БЮРО

Биллиардный мастер А.К. ФАЛИН

Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-30

МОДНЫЙ ЖУРНАЛ СЕЗОННЫХ ДАМСКИХ МОД „МОДЫ СЕЗОНА“

В 1928 году будет выходить

ЕЖЕМЕСЯЧНО

„Моды Сезона“ составляются по послед-

ним заграничным новинкам.

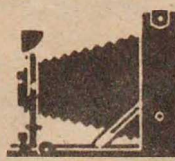
В каждом номере—красочные рисунки

и вырезная выкройка.

Подписная цена:

На год—15 руб. на полгода—8 руб.

„СОВЕТСКОЕ ФОТО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА И ФОТО-РЕПОРТАЖА

ВЫШЕЛ И ПРО-

ДАЕТСЯ ВЕЗДЕ (декабрь) № 12.

СОДЕРЖАНИЕ:

Два года.
К вопросу о фото-букашном голоде.
О фото-культуре.
Фотография невидимого.
Как использовать негодные негативы.
Самодельный увеличитель для керосинно-
го и дневного освещения.
Работа скребком при резке негатива.
Факты из области фото-торговли.

Хаоро-бром-серебряные бумаги и совре-
менные способы их обработки.
Фото-общественность.
Смотр фотографии и стенгазета.
Критические заметки.
По иностранным журналам.
Алфавитный указатель статей, помещен-
ных в „Советском Фото“ в 1927 году.
В номере свыше 30 иллюстраций.

Цена 40 коп. Требуется во всех газетных киосках,
ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1928 ГОД

(В 1928 году журнал будет выходить в увеличенном объеме).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год 4—р. 75 к., на полгода—2 р. 50 к., на три мес.—

1 р. 25 к. За приложение „Фото Альманах“ доплачивается ОДИН РУБЛЬ

Переводы адрес.: МОСКВА 6, Страстной б. 11, Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Л. Н. ТОЛСТОГО

ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ В 1928г.

ОГОНЕК

В собрании (новейшее издание Госиздата специально для подписчиков „ОГОНЬКА“) будут помещены ВСЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ ЛЬВА ТОЛСТОГО, а также ПРОИЗВЕДЕНИЯ, которые ИЗ-ЗА ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРЫ ДО СИХ ПОР НЕ ВКЛЮЧАЛИСЬ НИ В ОДНО СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОЛСТОГО. Собрание будет состоять из 24 книг большого формата, напечатанных уборым четким шрифтом, по 12 печатных листов (около 200 страниц) каждая — всего 4,600 страниц. Подписчики будут получать по 2 книги ежемесячно.

1-й абонемент: 52 №№-ра журнала „ОГОНЕК“ с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Льва ТОЛСТОГО в 24-х книгах (4.600 страниц). Год — **13 р. 50 к.**
Допускается **рассрочка:** при подписке — 4 р., к 1 марта — 3 р. 50 к., к 1 мая — 3 р. и к 1 июля — 3 р.

2-й абонемент: 52 №№-ра „ОГОНЬКА“ с приложением 104 книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“ (новейшие произведения лучших русских и иностранных авторов — по две книжки еженедельно). Год — **13 руб. 50 коп.,**
полгода — 7 руб., 3 мес. — 3 руб. 75 коп., 1 мес. — 1 руб. 40 коп.

3-й абонемент: 52 №№-ра „ОГОНЬКА“ с приложением Сочинений Льва ТОЛСТОГО в 24 книгах и 104 книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“ Год — **22 рубля.**
Допускается **РАССРОЧКА:** при подписке — 5 р., к 1 марта — 5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября — по 4 руб.

„ОГОНЕК“ без приложений:
52 №№-ра журнала в год **4 руб. 50 коп.,** полгода — 2 р. 40 коп., 3 месяца — 1 руб. 20 коп., 1 месяц — 40 коп.
Подписчики на „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений Л. Н. Толстого, внесшие подписную плату сразу полностью, получают **БЕСПЛАТНО** большой художественный портрет Л. Н. Толстого.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва 6, Страстной бульвар 11, Акционерному Издательскому Обществу „О Г О Н Е К“.

Подписка также принимается повсеместно на почте, письмоносцами, у контрагентов, в отделениях «Правды» и «Известий ЦИК» и во всех железно-дорожных и городских киосках Контрагентства Печати.

...ГОТОВЬСЯ В ВУЗ

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказчице при нарезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перен.) пересылка **бесплатно**. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Адрес: МОСКВА, Центр. ГОСМЕЛТОРГПРОМ. Отд. посылок № 7.

**ПОСЛЕДНЯЯ
НОВОСТЬ ПАРИЖА!**
Гарнитур — серги и броши с жемчугами в роскошном футляре за 5 руб., в отдельности серги 3 руб. и брошь 2 руб. Выпасающему 4 пары платая пара высыл. **БЕСПЛАТНО**
АДРЕС: Москва, Покровка 53.
С. С. ШПАРБЕР.

увеличение с любой карточки в на-
парту и **БАГЕТНОЙ РАМЫ**
10×12 вершк. — 5 руб., 12×14 — 8 руб.
НА БРОШКАХ **ФОТО-ЭМАЛЬ**
и БУЛВАНХ

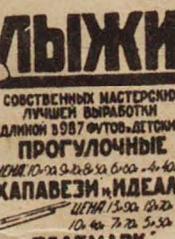
Квадр., овал., и кругл. формы от 1-5 см
Больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к
Карточки высылайте без задатка (возвращу в целостности). Москва 21. Дашков пер., д. № пять. В. Шиманскому
ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ—4-й БЕСПЛАТНО

БАЯННЫ и полубаянны. ЦЕНЫ — ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ —
Прейс-курант высылается за две 8 к.
марки. Письма и заказы направлять:
Москва, почтамт. ящ. № 739.

ЭЛЕМ
МОСКВА, Тверская 15.

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСТОЯЩИЙ ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M. — по-настоящему для улучшения волос, где того требует красота и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках Ц.п. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост волос останавливает **РОССТАВЕР**. **РОССТАВЕР** — единственный поведомственный волос, ф.б. 2 р. 75 к. **РОСТ ВОЛОС** для БРЯТА. «FLEM EUROS» без боли, без мыла, без жесточайших экономия времени, туалета 1 р. 25 к. Всымля только по получении. 25%. стоимости. Продажа в аптеках, магазинах, депилятории и гигиены.

ТЕЛЕМАРК
ДЛИНН Телт 9ххх 8ххх 10ххх
ОХОТНИЧЬИ ВСЕВОБУЧЬ
ЦЕНТРИ УМОНДОННОЕ
ВЫСЛАЕТ МАЛОЖИМНИ ПЛАТЕЖИ
ЦЕНТРИ КОМПЕТИ СПАСАНИИ НА ВОДАХ
ПО ПОЛУЧЕНИИ ЗАДАЧИ 8. 25 %
МОСКВА, Подпитехнич. Музей 123/а
Бос. Контала **ТРАНСРЕДАМА**

ДЛЯ ВЕНС. ГАРМОНИИ — мал.
трудности 1 р. 85 н., б. труд-
ности 3 р. Для **БАЯНА** — малой
трудности 3 р. 85 н., б. труд-
ности 10 р. Пьесы и альбомы
на равную цену.
Заказы адресовать:
Автору **М. Н. ГЕРАСИМОВУ.**

МОСКВА 10 ДОМИНОВСКИЙ 8

ПРОСНУТЫ
ВЫСЛАЮТСЯ

ПРОИЗВОДСТВО

ПОЧИНКА

ЗА ОДНУ 8
КОП. МАРИ

ГАРМОНИ

БАЯНОВ

Учебную, научную, практическую старую и новую, всех русских издательств.

Срочно высылают наложенным платежом.

1) Ленинград. Просп. 25 Октяб-
ря, 19/0. 2) Ленинград, Пр. Во-
лодарск., 51/0. Пополн. и ком-
плектов. библиотек.

людей покупают
АРОМАТИЧЕСКИЕ ДЕЛЕНИЯ
„РИЧАРД ВЕРДО“
для моментального пригото-
вления разных наливок,
настоек, коньяка и ликеров
прекрасного качества, вкуса
и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ
Цена 30 (тридцать) коп. перобит
Главный склад **П. ЗАКЛИН.**
Ленинград, Колокольная 13.
По первому требованию высе-
даем ассортимент в количе-
стве не менее 10 коробок на до-
лжным платежом
ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

КНИЖНИ
ЕСЛИ ВАМ НУЖНА КНИ
по **ТЕХНИКЕ,**
по **СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТ**
по **МЕДИЦИНЕ,**
разные **РУКОВОДСТВА**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.
издания родные и распроданы
и вообще **ЛЮБАЯ КНИЖКА**
НАПИШИТЕ и ВАМ их ВЫШЕ
наложенным платежом
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
Кооп. Изд-ва Писателей
НИКИТИНСКИЕ СУВЕНИРЫ
Москва 19,
ул. Герцена, д. 10/а.

Музыка 1-го Моск. Т-ва
произв-ва и торговли
Н. Авляев, В. Головин

ГАРМОНИИ 2-ряды. Полуважки — 23, 28 р. Венские — 30, 38, 42, 48, 65, 75, 85, 95, 105 и 125 р. Указывайте русский или немецкий строй. С-рядные от 10 р. к 75 р. **БАЯНЫ** в 200, 220, 250, 300 и 350 р. **ГИТАРЫ** 18, 16, 18, 20, 25, 30, 40, 50 и 60 р. **БАЛАЛАЙКИ** в 4, 5, 6, 7, 8, 10, 15, 20 и 25 р. **МАНДОЛИНЫ** в 12, 15, 20, 21, 24, 27, 30, 35, 40, 45 и 50 р. **Заказы выполняются по получении 1/2 стоимости с наложенным платежом отсчитывая сумму.** Иллюстрировано, прие-куралы выш. за 8-8 коп. в **МОСКВА, центр, Покровка, 55/0, тел. 30-82** отд. Центр. Пятничка

СПИНОДЕРЖАТЕЛЬ «ИДЕАЛ» для лиц обоего пола. Идеальный фактор стройности, развивает грудь, улучшает осанку. Через короткое время отступает даже дурная привычка сгибать спину. Важно для подростков — юношей, а также для лиц, работающих в неудобном положении. Особое преимущество модели — Подпоясываем незаметно. Цена изделия держателя «ИДЕАЛ» сделана по заграничной модели, мужского — лучшего качества — мужского или дамского 12 р., дамского по тарифу. Размеры указывать не требуется. Выссылаю платеж на получение половины стоимости. Заказ и деньги адресовать: МОСНВА, 250, посылка № 281, г. Москва.

СПИНОДЕРМАТЕЛЬ «ИДЕАЛ» для лиц обоего пола. Подчерпывает стройность, развивает грудь, устраняет сутулость. Через короткое время отступает от груди ирригация спина. Важно для подростков — «пошлости», а также для лиц, **РАБОТАЮЩИХ В ДАЧЕХ ПОЛОНЕНИИ**. Особое преимущество — веини. Под пальцем незаметен. Цена производителя **«ИДЕАЛ»** сделанного по заграничной модели, мужского — 12 руб. Лучшего качества — мужского и женского 12 руб. розска по тарифу. Размеры указывать не требуется. Выссы. налож. платеж. по получении половинной стоимости. Заказы и деньги адресовать: **МОСКВА, 250, по**

Коробка на 10 л — 3 руб.
для 10-15 голов — 4 р. 50 к.
„ХИНАЛЬ“ — с...
Цена 1 фл. — ...
„ФЛОС-ОСВАЛ...
ногтям в течение...
Самая грубая по...
прочная Любая предмет в...
ЛАБОРАТОРИЯ
ИОФ. Т-ВА „ОРЭАЛ“
(Химико-лаборанты: Г. И.)

„БАСМА-ХЕНЭ“

жидкий, моментально окрашивает
волосы бровей, ресниц, усов
влюб, швет, не смыл. выкол 4-5 по-
дель. Н-пачка, лица, платья, не отлич.
в жизни от природн., безрепр.
погода — 2 руб. **Специальная красна**
ж.
жизно-живный **Рациональное средство**
прт для волос **против перхоти и**
в р. 50 к. **выпадения волос**

БД «наилуч- **ЛАК** дающий иде-

трех недель. Прибор — 2 руб. **альный блеск**

мада 4-х оттенков. Цена 2 руб.
и 1 руб. 20 коп. аштуку.

смыляется надолг. платжом.

Б. Москва, Тверская, 68/0.

Г. Газаров, С. И. Пурто, А. И. Зынов

СТ ПОТА НО
МИНЕРАЛЬНЫЕ
СТЕЛКИ ДЛЯ ОБУВИ
Идеал

СИМАР
У. С. Н. 7252 (ИЗД. ВСН.)

ПРЕДОХРАНЯЮТ НОГИ ОТ ПОТА
ПРЕНИЯ И ЗАПЕРЗАНИЯ;
ПРЕДОХРАНЯЮТ КОСНИ, ЧУЛКИ
И ОБУВЬ ОТ ПОРЧИ;
ПРЕДОХРАНЯЮТ СТУПНИ ОТ
МОЗОЛЕЙ.

ЦЕНА 90 КОП. ПАРА.
СЫЛКАЕТСЯ НА ПЛАТОНОМ.
ПРИ ЗАКАЗЕ УКАЖИТЕ
КОДЕР ОБОИ...

ПРОИЗВОДСТВО:
ЛЕНИНГРАД. УЛ. МАРАТА, 37
И. М. МАРКИТАНТ.
ПРИ ВЫПОЛН. ДЕНЕГ (ИЛИ МАРК)
ПРЕСЛЫШКА ВЕСЕЛННО.

Достижения мировой науки и техники, новейшие машины, достижения в области рационализации и механизации труда, использование естественных сил природы, наши богатства, народы СССР, строение организма человека, его болезни, новейшие методы лечения и т. д.

ОБО ВСЕМ ЭТОМ РАССКАЗЫВАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСКРЫ НАУКИ

Открыта подписка на 1928 год.

В 1928 году журнал дает своим подписчикам:

12 номеров богато иллюстрированного журнала в многокрасочной обложке. К концу года журнал „Искры Науки“ составит большой том, содержащий около 1500 столбцов убоженного текста и не менее 1400 фотографий, иллюстраций и чертежей. В журнале принимают участие виднейшие деятели науки СССР и заграницы.

12 выпусков научно-популярной библиотеки „ИСКРЫ НАУКИ“, которые помогут читателю получить более фундаментальные сведения и знания по крупнейшим на вопросам науки и техники, затронутым на страницах журнала „ИСКРЫ НАУКИ“.

Кроме того, все подписчики журнала „ИСКРЫ НАУКИ“, подписавшиеся на три месяца (январь, февраль и март) получат бесплатно многокрасочный стеноидный плакат „Человек—живая фабрика“ с популярным объяснением деятельности человеческого организма (текст проф. В. А. ОПЕЛЯ).

Цена плаката в отдельной продаже 1 руб

Подписная цена остается прежней. На 12 мес. 4 руб. 80 коп., на 6 мес.—2 руб. 60 коп., на 3 мес.—1 руб. 40 коп., на 1 мес.—50 коп.

Подписка принимается: в Главной Конторе газеты „Гудок“, Москва, 11, Солянка 12, Дворец Труда, во всех почтово-телеграфных конторах, во всех отделениях и конторах центральных изд-в, во всех киосках Контрагентства Печати.

При подписке ссылаться на это объявление.

Кому: А. М. ПЕШКОВУ (Максиму Горькому)

В связи с тридцатилетием Вашей прекрасной литературной деятельности, заслужившей всемирную славу и признание, редакция „СМЕХАЧА“ присуждает Вам—чем богаты, тем и рады!—звание

Почетного постоянного подписчика „Смехача“

Отныне мы снимаем с Вас, дорогой Алексей Максимович, все заботы по выпуске нашего журнала. Мы знаем, что для нас весьма скромно. Подписная плата на „СМЕХАЧА“—сущие пустяки:

За год—6 рублей, за полгода—3 руб. 20 коп. за месяц—60 коп.

В 1928 году все подписчики (в том числе и почетные) получат бесплатную премию—12 книжек под общим названием

„Смехач на дому“

под редакцией ЕВЛАМПИЯ НАДЬКИНА, и при ближайшем участии жены его и друга МАТЛЕДЫ НАДЬКИНОЙ.

„СМЕХАЧ НА ДОМУ“ (иллюстрированный) является полезным и необходимым изданием для каждой семьи (подробное описание книжек будет дано особо в ближайшем номере „СМЕХАЧА“).

Мы слышали, дорогой Алексей Максимович, что в скором времени Вы возвращаетесь в СССР.

Да здравствует почетный постоянный подписчик „Смехача“—МАКСИМ ГОРЬКИЙ!

Двери в СССР открыты Вам, дорогой Алексей Максимович, так же широко и гостеприимно, как СМЕХАЧЕМ открыта подписка на 1928 год.

СМЕХАЧ Условия подписки на журнал СМЕХАЧ с 12 бесплатными приложениями на дому

На год—6 руб.; на 6 мес.—3 руб. 20 коп.; на 3 мес.—1 руб. 70 коп.; на 1 мес.—60 коп.

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“.

Начнет выходить еженедельный иллюстрированный научно-популярный журнал

„ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“

ОРГАН ВЫСШЕГО СОВЕТА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

под редакцией: В. М. Михайлова, В. А. Михельса и Б. А. Кальпуса.

ЖУРНАЛ СТАВИТ СВОЕЙ ЦЕЛЮЮ одействовать самому широкому распространению среди трудящихся города и деревни физической культуры, как мощного фактора в повышении живых производительных сил страны и военной подготовки рабоче-крестьянских масс и обороне СССР.

В ЖУРНАЛЕ БУДУТ ПОПУЛЯРНО ОСВЕЩАТЬСЯ все вопросы организации, теории и практики физической культуры и спорта. Особое внимание будет уделено информации по всем видам спорта и физкультуры как в СССР, так и за границей.

Годовые подписчики журнала „ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“ в течение года получат: 52 №№ богато иллюстрированного журнала большого формата, комплект из 8 предметов полной полой игры „ПИНГ-ПОНГ“ с подробным руководством, а также право участвовать в РОЗЫГРЫШЕ: 1) 5 комплектов шерстин. трикотажа (свитер, рейтузы или юбка, шапочка и шарф); 2) 10 пар лиз с резинами и ремнями лучшего качества; 3) 10 пар коньков „ЛХТ-КЛУБ“; 4) 10 футбольных мячей; 5) 10 пар легкоатлетических туфель и 6) 10 пар бз.

Подписная цена БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЯ: На 12 мес.—8 р.; 6 мес.—4 р. 50 к.; 3 мес. 2 р. 40 к. За границу цена увеличивается вдвое.

Подписная цена с приложением игры: На 12 мес.—11 руб.; 6 мес.—7 руб. 50 коп.

ВсЕ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ УЧАСТВУЮТ в РОЗЫГРЫШЕ (без особой приплаты) ВЫШЕПЕРЕЧИСЛЕННЫХ СПОРТИВНЫХ ПРЕДМЕТОВ.

для годовых подписчиков допуснается РАССРОЧКА: при подписке—2 руб.,—1 марта 2 руб., 1 июня—2 руб., и 1 октября—2 руб.

ЦЕНА ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 страница—150 руб.; 1/2 стр.—75 руб.; 1/4 стр.—40 руб.; 1/8 стр.—20 руб.; 1 строка нонпарели—50 коп.

Подписка на журнал „ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ“ принимается:

в Москве: 1) в КОНТОРЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА (Ильинка, 15, в отделах подписки: Почтамта, Всесоюзного Контрагентства, Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“ и у пьюймокоцев, доставляющих корреспонденцию на дом.

В провинции: 2) Во всех почтово-телеграфных отделениях, пьюймокоцев, во всех отделениях „ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР“, „ПРАВДЫ“, ВСЕСОЮЗНОГО КОНТРАГЕНТСТВА ПЕЧАТИ и его киосках и Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“.

„10 ЛЕТ СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА“

Сборник подводит итоги достижений во всех отраслях народного хозяйства и является ценным руковод. для изучения советской страны.

Цена 2 р. 50 к.

ПЕРЕВОДЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва 6, Страстной бульвар, 11, Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.